СоциоДиггер. 2021. Февраль. Том 2. Выпуск 1—2 (7): Доверие

ВЦИОМ СОЦИО%ДИГГЕР

18+

ЭКСПЕРТЫ:

к. филос. н., вед. науч. сотр. Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Денис Подвойский

к. соц. н., советник генерального директора ВЦИОМ

Елена Михайлова

1989

2021

ТЕМА ВЫПУСКА

ДОВЕРИЕ

ВЦИОМ
• Основан в 1987 году •

ОГЛАВЛЕНИЕ

Обращение к читателям 3

Подвойский Д. Г.
И снова о формуле доверия: немного школьной теории 5

Михайлова Е. А.
Доверие: результаты коронавирусного стресс-теста 19

Комментарии к теме выпуска:

Авдеева Д. А. Роль доверия в экономике 41

Качкаева А. Г. Медиа «недоверительных» времен 44

Завадская М. А., Соколов Б. О. Социально-демографические и личностные особенности ковид-скептиков в России 47

Космарский А. А. Китайский социальный рейтинг: технология доверия для нового общества модерна 55

СИСТЕМНОЕ (НЕ)ДОВЕРИЕ

Штейнбух А. Г.
О возможностях доверия между властью и обществом 62

Кулешова А. В.
Суды: доверие и справедливость 64

Комментарии экспертов:

Травкова М. Р. Парадоксы межличностного доверия на старте 2021 года 66

Казун А. П. Между хайпом и справедливостью: могут ли СМИ влиять на результаты судебного процесса? 69

Григорьева К. С.
Почему граждане не доверяют корпорациям и правительствам, собирающим персональные данные? 81

РАСШИРЕННАЯ ПОДБОРКА ДАННЫХ «Доверие»

СКАЧАТЬ в PDF

СКАЧАТЬ в DOC

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ,

мы начинаем 2021 год хорошими новостями: вышел первый выпуск Ежегодника (отмечу, что в него включены не только материалы СоциоДиггера, но и аналитические доклады, стенограммы научных советов ВЦИОМ, расширенные подборки данных); совместно с НИУ ВШЭ и МВШСЭН запущена новая Ежегодная социологическая книжная премия им. Б. А. Грушина (прием заявок до 30 марта).

В течение 2020 года мы в очередной раз убедились: наша жизнь — штука плохо предсказуемая и далеко не всегда управляемая. Слова, написанные Д. Бруксом в 2016 году, в условиях пандемии и сопутствующей ей турбулентности получили новое звучание: *«Мы живем в мире изоляции и атомизации, где люди не доверяют своим собственным учреждениям. В такой ситуации люди реагируют на свое безвластие бессмысленными актами саморазрушения»*[1].

Первый выпуск СоциоДиггера в 2021 году посвящен теме доверия. На него мы постарались посмотреть глазами Н. Лумана: доверие как стратегия сокращения сложности и инструмент решения проблем. Именно поэтому под одной обложкой можно найти самые разные аспекты: от межличностного доверия, доверия социальным институтам, рейтингам и системам контроля до ковидоскептиков и экспертов в судах.

Готовя выпуск, мы держали в голове одну из ключевых идей З. Баумана, озвученную в книге «Ретротопия»: «Свобода индивида, оплаченная его безопасностью, все меньше кажется удачной сделкой и все больше походит на попадание из огня в полымя... В обществе, где „другой" (любой другой) является явной, раскрытой или еще нераскрытой (и потому еще более зловещей и пугающей) угрозой, солидарность (в особенности идейная солидарность, скрепленная клятвой или обязательствами) выглядит коварной ловушкой для наивных, доверчивых, легкомысленных и безрассудных. Избежать этой ловушки теперь значит следовать разуму, вернее — *доксе*, заменившей разум современной господствующей философией. Солидарность сегодня — валюта неконвертируемая. Из надежного актива она странным

[1] Brooks D. The Anxieties of Impotence. New York Times. 2016. Jan. 22. URL: https://www.nytimes.com/2016/01/22/opinion/the-anxieties-of-impotence.html.

образом превращается в пассив. Биржи „политики жизни“ обесценили „социальный капитал“ Патнэма, премируя самореферентность, заботу о себе и доведенное до антисоциальности самоутверждение»[2].

О доверии можно и нужно говорить по-разному, так что мы не ставили ограничений для наших авторов и не загоняли их в какие бы то ни было рамки. На страницах выпуска вы найдете философские тексты, научно-прикладные, аналитические, экспертные... Материалы СоциоДиггера объединяют достоверность, точность, глубина погружения в тему и авторский взгляд, но не единомыслие и не однообразие.

Понять глубже тему доверия и сделать мир объяснимым помогали эксперты: Денис Подвойский, Елена Михайлова, Дарья Авдеева, Анна Качкаева, Борис Соколов, Маргарита Завадская, Артем Космарский, Алексей Штейнбух, Марина Травкова, Антон Казун, Ксения Григорьева.

С уважением,

Анна Кулешова,

главный редактор СоциоДиггера

P.S. Если вы готовы поделиться своей экспертизой и стать автором СоциоДиггера, присылайте заявку на kuleshova@wciom.com. С нас — данные!)

[2] Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В. Л. Силаевой; под науч. ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. С. 59, 100.

ПОДВОЙСКИЙ
ДЕНИС ГЛЕБОВИЧ

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент кафедры социологии РУДН, зам. главного редактора журнала «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены»

И СНОВА О ФОРМУЛЕ ДОВЕРИЯ: НЕМНОГО ШКОЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Наука об обществе в поисках «природного рецепта социального клея»

Профессор социологии Санкт-Петербургского университета В. И. Ильин в фильме об индустрии массовых опросов «Формула доверия»[1], вышедшем в конце 2020 года, сравнил общественное доверие с цементом. Такая аллегория кажется очень удачной, но мы уверены, что это — более чем случайная метафора. Для социологии как дисциплины за простым словом «доверие» скрывается пласт идей, фундаментальных и в некотором роде аксиоматических. Попробуем раскрыть скобки, не погружаясь одновременно в омуты избыточного наукообразия и специальной терминологии.

Цемент — материал искусственный, но на свете существует много всего такого, что притягивается одно к другому само собой (так сказать, «естественным образом»). Люди, например. Сегодня для не слишком интересующихся историей развития научных идей может показаться удивительным или даже смешным, но социология в момент своего «формального» возникновения понималась теми, кто ее создавал, не иначе как раздел физики. Из этой затеи, конечно, мало что получилось, но факт остается фактом: творцы позитивной философии как особого рода методологии верили, что способ рассуждения о мире, демонстрируемый науками о природе, и в частности ньютоновской механикой, является универ-

[1] См. фильм на YouTube-канале ВЦИОМ. URL: https://youtu.be/Oh-uafpIMn8.

сальным в своей применимости. В основе же физической картины мира Нового времени лежит, как известно, закон всемирного тяготения. И понимать этот закон надо предельно широко. Притягиваются друг к другу не только механические тела, но также сердца и души. Как химия предстает физикой вещества, биология — физикой жизни, так и социология призвана стать физикой одушевленных и мыслящих социальных тел, подчиняющихся наряду с иными телами единому для Вселенной, хотя и проявляющему себя по-разному в разных сферах, закону гравитации.

По замыслу ранних позитивистов социология как наука о порядке и прогрессе человеческих обществ должна была интересоваться в первую очередь принципами и условиями достижения *consensus omnium* — согласия и согласованности, солидарности, сплоченности, интеграции, связанности, спаянности, внутренней гармонии социального вещества и т. п. Точнее, этот раздел должен был носить гордое имя социальной статики, в рамках которой убеждение, что социальные тела притягиваются друг к другу, должно было восприниматься как своего рода аксиома. Впоследствии О. Конт водрузил на неокрепшую спину социологии тяжкую поклажу — позитивную политику и позитивистскую этику, таким образом вопрос о механизмах воспроизводства и поддержания социального порядка превратился из чисто теоретического в практический.

До сих пор для многих сама тема социального порядка имеет традиционалистски-консервативно-нравоучительный привкус. Отчасти она таковой и является, но не полностью. Если понимать солидарность, единение и интеграцию как моральные максимы, то законы социальной физики начинают звучать в тональности проповеди, — с активным использованием модальных глаголов, в особенности — глаголов долженствования. Собственно, подобными мотивами долженствования изобилует доктрина позднего Конта, да и не только его одного. Защитников ценностей порядка в истории общественной мысли всегда хватало.

С другой стороны, ничто не мешает нам отделять зерна от плевел и рассуждать о проблеме порядка в специфически научном, а не этическом ключе. То есть для социолога в этой проблеме важно не то, что порядок почему-то *должен существовать*, но скорее то, что он в том или ином виде, в большей или меньшей степени *действительно существует* и может быть наблюдаем в эмпирической реальности наличного опыта социального взаимодействия людей.

Конечно, весь этот социальный механицизм, или физицизм, как бы его ни называть, безнадежно устарел еще в XIX веке. Но сама проблема социального порядка никуда не делась и по-прежнему не дает покоя теоретикам. С момента обнародования обсуждавшихся выше идей прошло почти двести лет. За это время социологии, к сожалению или к счастью, настоящей физикой стать так

и не удалось (даже если поначалу очень хотелось). Между тем тайная формула социального притяжения по-прежнему не раскрыта. Вернее, кое-какие подходы намечены, но консенсуса по ним нет. Иначе говоря, в вопросе о природе общественного согласия среди социологов согласия не обнаруживается (как, впрочем, и во многих других вопросах). «Вот такая <...> вечная [научная] молодость»!

* * *

Итак, что нам дано? Некое социальное тяготение между индивидуальными и коллективными «акторами», своеобразный социальный магнетизм.

Что цементирует, что скрепляет общественные агрегаты? Может быть, стартовая метафора цемента — та, с которой мы начали, — даже избыточно сильна. Общество редко, вернее — почти никогда, не бывает похоже на суперпрочную, «железобетонную» конструкцию, даже если кто-то из политиков, брызжущих пафосом идеологов или иных защитников status quo пытается его таковым представить.

Еще меньше напоминают железобетонные материалы структуры обществ XXI века. Все мы сегодня в большей или меньшей степени являемся свидетелями процессов постепенного *разжижения* социального вещества. Зигмунт Бауман еще пару десятков лет назад объяснил, что такое *текучая* современность[2]. Но и в текучем состоянии (которое, в сущности, есть, скорее, тенденция, чем свершившийся факт) общество все же сохраняет некоторую «целостность». Ведь и у молекул жидкости есть мера внутренней связанности и определенная степень несвободы. И даже «социально газообразные» вещества, если двигаться вслед за физической метафорой агрегатных состояний (пусть каждый найдет примеры по вкусу), не ведут себя совершенно хаотически. Жидкости и газы тоже давят, ограничивают и направляют — реки уносят, волны смывают, гидравлические прессы прессуют, насосы накачивают атмосферы, теплый воздух поднимается, туман опускается, и т. п. А дюркгеймовского определения социального факта (того, что объективен и оказывает принудительное воздействие) никто еще не отменял. И эта дефиниция работает для всех типов обществ — не только «чугунных» (хотя и чугун крошится), но и для «кисельно-желеобразных», и даже «воздушно-флюидных».

Центральная проблема социальной статики обычно формулируется в виде вопроса: как возможен социальный порядок? почему «муравейник» не разваливается? почему общество не распадается на мельчайшие части на атомарно-

[2] Подробнее см.: Бауман З. Текучая модерность: взгляд из 2011 года // Polit.ru. 06.05.2011. URL: https://polit.ru/article/2011/05/06/bauman; Подвойский Д. Г. Куда течет «текучая современность»? // Polit.ru. 02.06.2011. URL: https://polit.ru/article/2011/06/02/podvoysky_bauman.

молекулярном уровне? почему постоянно рискующая порваться социальная ткань, полотно социальной материи все-таки ежедневно сшивается и перешивается, скраивается и перекраивается, штопается и латается тысячами различных способов в миллионах конкретных ситуаций?

Нет необходимости усматривать за спиной этого вопроса явный или неявный призыв: давайте жить дружно! Теоретизирование о социальном порядке не обязательно предполагает безоговорочное принятие тезиса, что порядок — это всегда хорошо. Смотря какой, в сравнении с чем, какой ценой и с помощью каких средств устанавливаемый и поддерживаемый! (И это, в общем-то, уже совсем другая тема.) Социологу же для начала разговора обычно бывает ясно только одно: *какая-то степень* «согласия и постоянства», по-видимому, неизбежно характеризует любые устойчивые и воспроизводящиеся отношения между людьми.

Итак, откуда же берется социальное тяготение? Или, проще говоря, почему люди *(со)*существуют вместе? Ответы даются разные, и ни один не выглядит исчерпывающим.

Просто потому, что человек — социальное существо? (так учил Аристотель). Но это слишком легкий и абстрактный ответ, к тому же он толком ничего не объясняет. Тем более что многие так не считали, особенно в XVII—XVIII веках (те же Гоббс и Руссо) — именно в эпоху доминирования всевозможных механицистских и физикалистских аналогий в нарождающемся научном обществоведении.

Интересно ведь, как именно происходит *сцепление* «молекул» внутри социального вещества? И благодаря чему? Что входит в рецепт «общественного клея»?

Возможен такой ответ: людей объединяют схожие *ценности*, или, говоря шире (по-дюркгеймовски), *коллективные представления* — общие язык, верования, символы, сакральные объекты, картина мира, традиции и т. п. Откуда они берутся? — Из социализации, транслируемого во времени культурного опыта поколений. Допустим!

Смежный ответ: общественное единение, хотя бы частично, обеспечивается «*из-под палки*», под угрозой принуждения и негативных санкций. Общественное давление бывает разным, и его открытые и насильственные формы обычно выполняют функцию дополнительного инструмента по ограничению актуальных и потенциальных девиаций.

Последние два варианта ответа не противоречат друг другу: послушных и сговорчивых судьба (общество) ведет под ручку, упрямых тащит и подгоняет дубинкой. И то, и другое называется словом «социальный контроль». В обоих случаях обеспечивается соблюдение социальных норм, достигается необходимый и достаточный уровень лояльности и конформности индивидов (на уровне их мышления и поведения) в отношении социальных институтов.

Другой заход (не по сути, но терминологически): социальное вещество склеивается, потому что существует *солидарность*. Индивиды объединяются в группы и коллективы из-за сходств («механически») и различий («органически»). При этом сближают, конечно, не всякие различия, но такие, которые порождают комплементарные социальные связи, то есть отношения взаимодополнительности (разделение труда, профессиональную и иную специализацию). Поскольку разность может как сближать людей, так и отдалять, создавать как симфонический, так и какофонический эффект.

Еще ответ на вопрос «почему люди вместе?» можно стилизовать в духе теорий обмена и рационального выбора с их универсальным экономцентризмом: потому что *выгодно*, потому что акторы явно или неявно производят калькуляцию издержек и прибыли, которые несут им те или иные социальные трансакции.

Еще один небессмысленный ответ: потому что просто *привыкли*, а привычки, образующие нашу «вторую натуру», очень полезны и помогают нам не потерять ориентацию в окружающем мире. В таком случае упорядоченность социальной жизни объясняется *рутинным* характером основной массы социальных взаимодействий, как на институциональном уровне, так и на межличностном.

Все перечисленные ответы не являются полностью альтернативными (взаимоисключающими), но могут, иногда довольно хитро, сочетаться внутри конкретных систем теоретических построений. Причем сама проблема социального порядка имеет множество разных пластов. Например, когда мы пытаемся выявить предпосылки, в том числе микросоциологические, обеспечивающие склейку-стыковку индивидов в рамках конкретной социальной связи, а также описать механизмы и процедуры воспроизводства и поддержания устойчивых социальных отношений в нашем «жизненном мире», то есть в мире повседневности, разделяемой нами с другими людьми, близкими и далекими.

И вот здесь наконец-то, после несколько затянувшейся (но, кажется, не совсем бесполезной) преамбулы, можно обратиться непосредственно к феномену и концепту *доверия*, способному кое-что объяснить в запутанной структуре той теоретической повестки, которая сформировалась в контексте многолетнего обсуждения проблемы социального порядка.

Сколь не прочны двери у страны доверья? или … Не волнуйтесь, тётя, — дядя на работе…

Доверие, доверчивость, доверительность… — это что-то личностное, черта характера, особенность межчеловеческих контактов, проникнутых чувствами, что-то из области психологии? Возможно. Отчасти. Но не только! Социолога же в до-

верии интересует скорее сам статус данного явления как своего рода «априори» социальной жизни, а также концептуальная реконструкция процессуальной логики функционирования доверия в обществе.

В мире обыденного социального опыта прожить без доверия еще труднее, чем прожить без любви... Причем гораздо труднее, или даже почти невозможно. Доверие в некотором роде не столько вытекает из нашего опыта общения с другими людьми, сколько предшествует ему, делая сам этот опыт возможным. Звучит вполне по-кантиански, не правда ли?..

Характеризуя простейшую модель социальной интеграции (на микроуровне), Толкотт Парсонс указывает на принцип преодоления «*двойной контингентности*» в ситуации взаимодействия. Альфред Шютц, взирая на социальный мир с совершенно другой колокольни, формулирует так называемые *идеализации взаимности перспектив*. За этими мудреными терминами скрывается, по сути, одна и та же, притом довольно простая идея, и не так уж существенно — отдается ли при ее описании предпочтение языку структурного функционализма или вокабуляру социальной феноменологии.

Возьмем наугад двух индивидов — A и B, Ego и Alter, Васю и Петю, Ричарда и Барбару, Марио и Франческу, Гензеля и Гретель, Зигфрида и Брунгильду, Тристана и Изольду, Орфея и Эвридику, Гиви и Ашота, Фатиму и Лейлу... etc. — и поместим их в какую-то произвольную ситуацию взаимодействия. Рассуждая теоретически, можно допустить, что каждый из них в состоянии совершить в отношении другого почти бесконечное количество разнообразных поступков — от сугубо аффективных до осмысленных и целенаправленных. Чего только не бывает между людьми! Дав волю воображению, можно представить себе все что угодно — тут нас ограничивает только фантазия. Теперь помножим эту «почти бесконечность» на два (ведь индивида пока всего лишь два), и получим упомянутую выше «двойную контингентость», или непредсказуемую случайность того, как поведет себя A и как отреагирует B. Если индивидов в интеракции задействовано больше, чем двое, то и умножать придется на три, пять, семнадцать, сто или двести. Возможно, Орфей и Эвридика или Тристан и Изольда влюбятся друг в друга, если их жизненные пути пересекутся, но не факт...

На улицах современных городов мы постоянно встречаемся с незнакомцами, с какими-то Колями, Сашами, Ядвигами, Агнешками, Оксанами, Богданами, Арчибальдами и Теофилами. Стоим с ними в очередях, что-то покупаем, сидим на соседних креслах в общественном транспорте и т. п. Есть, конечно, и знакомые, и даже те, кого называем близкими, но и про них мы никогда наверняка не знаем — что у них на уме и чего от них ожидать. Никто не может со стопроцентной вероятностью предсказать действия своих случайных и не очень

случайных партнеров. Мы даже собственные действия иногда предугадать не в силах.

Тем не менее *в большинстве случаев* (хотя и, разумеется, не во всех) происходит что-то *условно ожидаемое*. Мера допустимых индивидуальных вариаций поведения в конкретных случаях и ситуациях сохраняется, поэтому, в общем-то, с людьми не скучно. Также сохраняется, конечно, и вероятность малодопустимых и нежелательных реакций, которые могут квалифицироваться как негативные девиации (разной степени тяжести и предосудительности).

Почему же тогда множественные бесконечности неочевидных исходов взаимодействия в эмпирическом социальном мире как бы «схлопываются» и редуцируются к привычному ходу событий? Потому что A опознает собственную позицию в системе разворачивающихся интеракций как социально специфическую, детерминированную статусами и ролями, особенностями ситуации, институциональными рамками взаимодействия, писаными и неписаными нормами и правилами (всех этих хитрых социологических словечек ему, конечно, знать необязательно, но суть дела от этого не меняется). Про роли, ограничения, предполагаемые мотивы своего партнера B наш герой тоже кое-что знает, хотя социальные координаты B всегда будут чем-то отличаться от координат A. Сказанное верно и применительно к точке зрения B по отношению к A.

Сейчас я планирую поступить по отношению к нему/к ней так-то и надеюсь, что он/она догадывается о моих намерениях, в итоге наши взаимные реакции друг на друга не станут для нас обоих неожиданностью. А если и станут, мы быстро сориентируемся по ходу событий, исходя из имеющихся знаний о потенциальных сценариях развития ситуаций и их возможных развязках. Таким образом, поступая в соответствии с известным нам обоим набором правил, мы, с одной стороны, продемонстрируем осведомленность и практическую когнитивную компетентность, а с другой — проявим конформность; причем как первая, так и вторая будут диктоваться ситуационно и институционально определенными рамками взаимодействия, культурными паттернами, статусно-ролевыми параметрами конкретной интеракции и т. п.

Эта система проецируемых взаимных ролевых ожиданий (и обмена ими) функционирует неидеально, но как-то она все же функционирует, — так сказать, на *минимально приемлемом* уровне. Потому что если бы она совсем не работала, все вмиг бы рухнуло. Если Ego и Alter удовлетворяют на поведенческом уровне взаимным ожиданиям друг друга, это значит, что социальный порядок воспроизводится и жизнь идет своим чередом.

Ричард работает клерком в банке, содержит семью (инструментальная функция), состоит в браке с любящей его женой-домохозяйкой (экспрессивная функция); оба

считают такое распределение ролей «естественным» и «правильным». Возвращаясь со службы в обычный вечер октября 1952 года, он встречает в дверях своего дома радостную и соскучившуюся Барбару. Она, кажется, не делает вид — она действительно рада (хотя кто ее на самом деле знает?). Ужин уже готов. Они садятся за стол, едят, обмениваются новостями, слушают легкую музыку, а потом отправляются в спальню. Там тоже все относительно «по программе» (и Барбара, скорее всего, не будет говорить Ричарду, что у нее болит голова). Завтра их обоих ждет новый день, который будет соткан из иных социальных мизансцен, отчасти похожих и отчасти отличных от тех, в которых они участвовали сегодня. Взаимопонимание есть, аномии нет, социальная система работает: адаптация (Adaptation), достижение целей (Goal Attainment), интеграция (Integration), поддержание образца (Latency) — все в наличии, все «по схеме» (AGIL). Парсонс был бы доволен и умилен такой картиной — потому что он все это объяснил. Феминистки позднейших поколений топают ногами, плюются и высмеивают старомодного Парсонса...

Взаимная готовность акторов, таких как Ричард и Барбара, играть по правилам и не обманывать ожидания выступает источником их доверия друг к другу. Ego верит, надеется, ожидает, что Alter поступит в той или иной социально-типической ситуации предсказуемым образом. Если этой установки нет, то жизнь действительно превращается в кошмар.

Посетители театров, как правило, не выскакивают на сцену во время спектакля (если это не иммерсивное шоу). Мы не переходим неожиданно при общении с друзьями и коллегами на «тарабарский язык», придуманный нами самими и непонятный для них, не паясничаем и не валяем дурака на похоронах, не пускаемся в пляс при сдаче экзамена по квантовой механике или римскому праву. Хотя можно себе представить ситуации и контексты, когда что-то из этого будет уместно, так как социальные нормы в исторических пространственно-временных масштабах весьма вариативны (да и многие конкретные ситуации и управляющие ими нормы нередко допускают значительные диапазоны возможного). Но обычно все идет по плану — в широких или узких границах разумного, действующих для какого-то конкретного здесь и сейчас. И дело не только в санкциях и боязни, которые удерживают нас от разного рода чудачеств и проказ. Мы знаем, где и как надо себя вести, что уместно, а что нет, и ожидаем этого же от других — что они тоже знают и не станут лишний раз своевольничать, испытывая на прочность этот не такой уж толерантный социальный мир.

Вход в страну доверия всегда открыт, и надобность в замках возникает только эпизодически. Доверие всегда неочевидно, неуловимо, остается под вопросом, но оно, тем не менее, есть, существует, потому что «его не может не быть». Мы назначаем встречи и обычно на них приходим, даже если опаздываем или путаем

место («Мы были оба. — Я у аптеки! — А я в кино искала вас!»; «Девчонка стрелку забила, а где конкретно — забыла» — но можно надеяться, что не с первой, так со второй или с третьей попытки они все же встретятся). Водитель автобуса обычно не въезжает в толпу на остановке, а шеф-повар обычно не травит посетителей заведения (хотя и тот, и другой технически вполне способны это сделать). И дело не только в том, что если бы они так поступили, это не осталось бы без последствий, весьма неприятных для них самих. Контроль с его негативными санкциями — эффективное средство регуляции социальной жизни, но не единственное. В большинстве случаев доверие работает гораздо лучше — при всей своей неочевидности и негарантированности.

Мы верим, что на другом конце канала интеракции (возможно, он опосредован большим количеством звеньев и включает многих участников) имеются в наличии добрые намерения, добросовестность, добропорядочность, надежность, профессионализм, ответственность, чувство долга, адекватность, правильно понимаемый взаимный интерес и расчет etc. (или хотя бы что-то из этого списка), что делает достаточно вероятным получение ожидаемого и социально одобряемого ответа на наши попытки вступить с неким Другим в регулярную или эпизодическую связь. Иногда нарушения и разные девиантные «казусы» случаются, и никто от них не застрахован. Но главное — в большинстве случаев поведение нас самих и окружающих относительно предсказуемо. И на этой «твердой» почве (вернее, кажущейся таковой) люди, взявшись за руки и разбившись на кучки, водят свои хороводы, решая попутно те или иные практические задачи.

В высокодифференцированных обществах модерна мы ежедневно пользуемся продуктами деятельности тысяч незнакомых нам людей. Мы постоянно что-то покупаем и потребляем, пользуемся платежными системами, ориентируемся на расписания движения транспорта. И все это без доверия было бы невозможно. Покупатель надеется, что магазинную водку не будут гнать из опилок, а продукты и лекарства производят в условиях, соответствующих санитарным нормам... Хотя сомнения и подозрения никогда не исключены полностью.

Но переживать каждую секунду из-за тотального недоверия людям и институтам (а они-таки дают для этого поводы) было бы психологически накладно. Тогда пришлось бы переживать постоянно. Мужья доверяют женам, а жены — мужьям (хотя порой и напрасно). Но другого выхода нет. Остается расслабиться и предоставить

Из открытых источников

событиям вокруг себя возможность идти и развиваться при сохранении некоторой меры их таинственности. «Не волнуйтесь, тетя, дядя на работе, а не с кем-нибудь в кино!». Лучше мне вообще не думать о том, из чего [сырье, пищевые добавки], как, где [условия производства] и когда [срок годности] *на самом деле* изготовлены эти сосиски/пельмени/консервы, иначе есть совсем перехочется...

Употребляемый в разных специальных контекстах оборот «кредит доверия» может быть истолкован и в расширительном смысле: доверие часто предшествует взаимодействию в конкретной ситуации (другой вопрос — откуда оно берется и как формируется?). Предшествует значит выдается как кредит, то есть *вперед*, как в случае с ресторанным обслуживанием по меню — сначала едим, потом оплачиваем счет. Клиент надеется устроить себе праздник живота и при этом не отравиться, а администрация заведения — получить плату за обеспеченное клиенту удовольствие. В обмен действиями уже вмонтирован предполагаемый на входе, интерсубъективно конструируемый сторонами обмен [добрыми] намерениями. Мы его, *наверное*, не разочаруем, он, *наверное*, в накладе/в долгу не останется. Если так, то, кажется, стоит рискнуть.

Обыденный язык хорошо схватывает суть отношений и «чувств» доверия, скрепляющих социальный порядок. Когда говорится, что кто-то кому-то не внушает доверия, это очень близко по смыслу фразе «от него можно ожидать чего угодно», то есть речь идет о пугающей бесконечности возможных альтернатив чужого поведения. Опять же, если так говорят только про некоторых людей, это означает, что с большинством все-таки дела обстоят попроще: от них мы ожидаем чего-то определенного и предсказуемого.

Когда сообщается, что кто-то, например некий товарищ Берия, вышел из доверия, то это означает, что он утрачивает благонадежность как партнер по социальному взаимодействию и с ним во избежание неприятностей лучше дел не иметь. Утративший доверие неизбежно оказывается социально стигматизирован и категоризирован как девиант, а вдобавок становится объектом возможных санкций. И тогда обязательно найдется кто-то (например, некий товарищ Маленков), который по собственной инициативе и/или по долгу службы надает ему пинков, — опять же «в общих интересах» и под бурные аплодисменты.

Общество сортирует людей по разным основаниям, в том числе стремясь отделить тех, кому можно, нельзя или не стоит доверять. При этом практически оценивается мера социальной адекватности и предсказуемости разных групп индивидов, людей с определенными характеристиками и признаками. Делается это порой весьма грубо и топорно. Справка о несудимости — «хороший» документ, вызывающий доверие работодателя, справки о психическом заболевании и постановке на учет в специализированном медицинском, психиатрическом или

правоохранительном учреждении — документы «плохие». Про того, кто «проштрафился» и попал в категорию девиантов, говорят: его место в тюрьме или психиатрической лечебнице, он либо преступник, либо сумасшедший (трастовых очков у данных категорий минимальное количество). Вышедший из мест лишения свободы одной лишь этой строчкой в биографии провоцирует подозрения, доверие к нему понижено (мало ли что еще учудит?). Один из стандартных способов объяснения нестыковок в отношениях и поведенческих странностей, вызывающих утрату доверия: да у него/у нее крыша поехала; ага, ну тогда все ясно, как же мы раньше не заметили, что он/она не в себе...

Стереотипы также делают свое дело, а на представителей тех или иных групп с легкостью навешиваются ярлыки: вот этим «сомнительным личностям» (людям определенного «сорта») не доверяем, сыр покупаем только у Клавдии Ивановны, он — проверенный, плюс продавщица — русская. Нечто подобное наблюдается при осуществлении этнических, территориальных, гендерных, возрастных и иных бытовых дифференциаций. Например, в случае с возрастными различениями: ребенок один дома — может все что угодно натворить (*еще не* вошел в группу тех, кому принято доверять), у бабули с головой не все в порядке, что поделать, все-таки возраст дает о себе знать (*уже вышла* из этой группы).

Еще раз повторим: до*ве*рие — это всегда допущение, принятие на *веру*. Но допущение необходимое, чтобы взаимодействие состоялось. Мы никогда не знаем точно, что у него/у нее на уме, чужая душа потемки. Может быть, он/она держит камень за пазухой, а мы не догадываемся. На жизненном пути каждого запросто может встретиться печально известный малый, что «тайком из-под скатерти нож показал». Но жить как-то надо, с любыми рисками, и доверие помогает ориентироваться, облегчает когнитивные процессы субъективного конструирования ожидаемых последствий социальных действий (от начальника ожидаем одного типа поведения, от любовницы — другого, от тещи — третьего).

Возникает еще один интересный вопрос: а почему собственно люди доверяют друг другу? Напрашивается прозаический ответ, который может расстроить моралистов. Возможно, потому доверяют, что часто нет другого выхода. Есть конкретные люди [даже если они далеко], и вступать с ними во взаимодействие приходится [пускай и не прямое, а опосредованное, как с каким-нибудь эквадорским производителем бананов]. Но проверить благонадежность и чистоту помыслов партнера хотя бы в первом приближении мы сами порой не можем, для этого у многих из нас нет ни времени, ни сил (нет возможности или желания познакомиться поближе), нет соответствующих знаний/компетентности (оценка квалификации врача, например, для обывателя — непростая задача). Проще поверить. Слишком много людей ходит вокруг, всех пристально не изучить.

Доверие может быть основано на любви или на симпатии. Но не обязательно. Хотя те, кому мы доверяем, обычно располагают к себе, как минимум, потому что с ними проще (иметь дело, строить отношения), чем с теми, кто особого доверия не вызывает. Доверие во многих случаях строится на сугубо инструментально-рациональных соображениях или на рутинах. В отношениях типа Gesellschaft (вспоминаем Ф. Тённиса) любви между участниками взаимодействия нет, а устойчивая социальная связь есть. Деловые партнеры, клиенты, продавцы и поставщики товаров и услуг, заказчики и исполнители могут эффективно взаимодействовать и… доверять друг другу, не испытывая при этом особых чувств и эмоций (эффективно, но аффективно нейтрально), руководствуясь по преимуществу соображениями рационального расчета.

Что именно в человеке вызывает доверие? Можно доверять самому партнеру, его честному слову и доброму имени, каким-то внешним маркерам, языку, манере держаться, респектабельности и презентабельности, профессиональным и иным сообществам, с которыми индивид связан, деловой репутации конкретных людей и организаций, правовым институтам, регулирующим договор или сделку… Вероятность ошибки всегда существует: диплом, например, может оказаться поддельным, а внешность — обманчивой. Незадачливая героиня курортного романа сетует: «…так вот, под этой личиной [бравого военного] скрывался, блин, уголовник». Ей вторит другая наивная и разочарованная женщина: «…а ты не летчик, а я была так рада любить героя из летного отряда…». В этой печальной компании оказалась и Лариса Груздева, доверившаяся умевшему производить впечатление на дам бандиту Фоксу, одетому в дорогую офицерскую форму, хотя и без погон.

Доверие людям и институтам в практике социальной жизни перемешано. Доверие к белому халату и рецепту с непонятными закорючками имеет институциональное происхождение и связано вдобавок с авторитетом профессионально специализированного экспертного знания: этот человек учился на врача много лет и у меня нет оснований сомневаться в весомости его вердиктов и рекомендаций (а может быть, все это чистый розыгрыш, надувательство или ловкая имитация? — нельзя исключать подобную вероятность). И так повсюду: люди верят, что лектор действительно знает свой предмет, как адвокат — законы, а актер — текст пьесы; верят, что регалии, должности, степени и звания всевозможных специалистов что-то значат. Да, эта вера небеспочвенна, но всегда в конечном счете зиждется на готовности людей доверять чему-то или кому-то. Поэтому остается только надеяться, что за белыми халатами и умной речью, аттестатами, сертификатами, типографскими бланками и гербовыми печатями, сканами документов и подписями, что-то действительно стоит, и они о чем-то действительно свидетельствуют. Хотя многие, наверное, помнят, что вузовские дипломы и трудовые книжки в эпоху лихих 1990-х в Москве

можно было запросто купить в переходах метро. Но даже если эти социальные курьезы остались в прошлом, а диплом выдан серьезной организацией, никто точно не знает, насколько ее серьезность не является раздуванием щек или очередным рекламно-маркетинговым перформансом. Одна только корочка удостоверения обладает магической силой отпирать многие двери — об этом полезном свойстве предметов, похожих на документы, знал еще Остап Бендер.

Индивиды как игроки в социальном пространстве постоянно подзаряжаются от доверия к институтам или сообществам, если последнее существует здесь и теперь и является, например, накопленным во времени и запечатленным в коллективном сознании (как в случае доверия к имиджу и статусу учебных заведений, организаций и фирм с именем и историей, заслуженным в предыдущие периоды их деятельности и, возможно, уже не подкрепленным реальными текущими достижениями).

В свою очередь чисто личностное доверие, то есть просто доверие к человеку как человеку (скажем, близкому) может подпитываться нехитрым, но эмпирически убедительным доводом: я с ним давно знаком, и он меня до сих пор никогда не подводил, хотя и в этом поле никто не бывает застрахован от неожиданностей и проколов («Ничто не предвещало, и вот тебе на... в один злосчастный день...», «Двадцать лет душа в душу, а потом вдруг бац, и такое!», «Что у человека было в голове, какая муха укусила? Вот так и доверяй этим мужчинам/женщинам!»).

Долгие лета в ожидании ежедневного рассвета

На самом деле у феномена доверия, по-видимому, есть еще и более глубинный пласт, если угодно, выводящий нас в зону философского дискурса. В сближающем людей потенциале доверия можно видеть аксиому социальной жизни, предпосылку устойчивости и воспроизводимости систем социального порядка на микро-, мезо- и макроуровнях. Но в доверии можно видеть в некотором роде также предпосылку упорядоченности человеческого опыта в целом, условие его постоянства и согласованности. По жизни мы доверяем не только людям, например, тому что завтра они — *скорее всего* (мы надеемся) — будут вести себя как сегодня и вчера (при всей неочевидности и недоказуемости этого допущения). Просто человек нуждается в трансляции выработанных, накопленных, усвоенных или как-то иначе заданных моделей собственного опыта во времени. Это значит, что человек всегда, несмотря на всю текучесть жизни, в большей или меньшей степени вращается в мире повторяющихся событий. Без веры в постоянство доступных фрагментов опыта людям было бы несладко. Рутины спасают от хаоса неопределенности.

Поэтому в самом широком смысле мы доверяем не только людям, но и миру как таковому, вещам, самим себе, своим чувствам... Солнцу, что взойдет, потому что раньше оно всегда, по крайней мере на нашей памяти, так делало... Градуснику и календарю, что не обманут, не выкинут с нами какой-то фортель (хотя известно, что и календарь с градусником тоже иногда врут, потому что считать и мерить можно по-разному; кому и среда — суббота). Мы все стараемся верить своим глазам и ушам. Любой человек, включая убежденных поборников прогресса и любителей новизны, имеет право ожидать, что мир завтра будет таким же или хотя бы похожим на знакомый, привычный мир, а также надеяться, что накопленные в прошлом знания будут в мире завтрашнем хоть как-то работать. Энтони Гидденс называл этот феномен чувством «онтологической безопасности». Если онтологическая безопасность подорвана, земля уплывет из-под ног, а мир катится в тартарары. Непредсказуемому миру доверять трудно.

Мы верим в самотождественность предметного мира и в самотождественность самих себя: в то, что я сегодня и я через пару лет [mutatis mutandis] — это одно и то же, что бы там со мной ни происходило в означенный период, что баба Маня все еще баба Маня (если не умерла), что в квартире 34 во втором подъезде в ночное время все еще можно купить алкоголь (если не прикрыли лавочку), что слетающую с петель дверь можно умелым, отработанным движением плеча поставить на место (если еще не починили)...

При обсуждении подобных вопросов, имеющих отношение к аксиоматике опыта, нередко используется туманный греческий термин *эпохе́*, который проще всего перевести на расхожий язык оборотом «вынесение за скобки». Философ с его критически-рефлексивной познавательной установкой выносит за скобки наивную уверенность обывателя, в том числе уверенность в постоянстве элементов и композиций опыта, из которых сделан наш мир. Обыватель же с его практической, «естественной» установкой стремится ровно к обратному — во что бы то ни стало он пытается доказать себе и другим, что миру вокруг нас и всему, что в него «понапихано», несмотря на многочисленные «но», можно как-то доверять. Во втором случае выносится за скобки не уверенность, а именно сомнение. Это необходимо потому, что философу для оправдания своего высокого предназначения положено *во всем сомневаться* [*de omnibus dubitandum,* как учит Декарт], а человеку (даже если он по совместительству чуть-чуть философ) нужно все-таки *действовать*.

МИХАЙЛОВА
ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА

кандидат социологических наук,
советник генерального директора ВЦИОМ

ДОВЕРИЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ КОРОНАВИРУСНОГО СТРЕСС-ТЕСТА

Знание людей и недоверие к ним неотделимы.
Клод Гельвеций

Не только экономический кризис, но и кризис доверия стал одним из основных социальных эффектов пандемии. При этом даже в случае стабилизации на финансовых рынках волны недоверия могут иметь более широкую временну́ю амплитуду.

Мир столкнулся с падением доверия к мировым экономикам, к социальным институтам и своему близкому окружению. Посмотрим, как мы входили в этот период и где находимся сейчас.

Государство и власть

Начнем с глобально-стратегического. 25 апреля 2019 года президент Российской Федерации подписал Указ «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», в соответствии с которым одним из ключевых показателей, используемых для такой оценки, стал «Уровень доверия к власти — президенту Российской Федерации, высшим должностным лицам, руководителям высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»[1].

[1] Указ «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // Президент России. Официальный сайт. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/167U3OXDkVKuOAktJ8MRQu4zrbG0HT7x.pdf.

Причем тут доверие, можно ведь просто эффективно управлять, зачем это? — задавались вопросом отдельные «объекты измерения». «За показателем доверия к отдельным деятелям можно разглядеть такие феномены, как персонализация института (отождествление исполнителя с должностью; в нашей реальности это относится к должности и персоне президента), отношение к имиджу, признание заслуг, харизматические надежды, сопоставление с другими по принципу „меньшего зла" и пр. В минимальной мере присутствуют в подобных показателях реальные оценки реальных действий определенных политических фигур и должностных лиц. Тем более что подобные оценки зависят от типа и масштаба ожиданий в отношении этих лиц», — писал Юрий Левада[2]. И как это эмоционально-гендерно-футуристическое субъективное восприятие руководителя страны/региона/территории связано с реальными достижениями, достигнутыми преобразованиями, почему считается одним из базовых критериев эффективности реализации властных полномочий?

В этом контексте вполне адекватно вспомнить интерпретацию доверия П. Штомпкой, у которого оно связывается как с активным участием в жизни общества, так и с ориентацией на будущее[3]. То есть категория доверия в контексте государственного управления — это не только и не столько рациональный анализ достигнутого, эффективности реализуемых мер, а базис для реализации программ, ориентированных на получение отложенного результата. «Доверие» сложно увязать с временны́ми рамками, длительностью того периода, в течение которого оно будет выступать ресурсом. Но очевидно, что это важное условие серьезных экономических преобразований.

В декабре 2000 года, по истечении первого полугодия выполнения новым президентом Российской Федерации своих обязанностей, уровень одобрения его деятельности со стороны россиян составлял 68 %. Уровень доверия россиян к президенту в марте 2001 года составлял 58 %[4]. Это был период разрыва между рациональными оценками положения дел в отдельных экономических сферах и ожиданиями позитивных изменений, которые связывались с деятельностью президента, — кредит доверия, возлагавший особую ответственность (и одновременно формирующий высокие риски в случае, если ожидания не оправдаются)[5].

Спустя 20 лет, в конце декабря 2020 года (года тяжелых испытаний, неопределенности в экономике, угроз личной безопасности), президенту Российской

[2] Левада Ю. Механизмы и функции общественного доверия // Левада Ю. Ищем человека. Социологические очерки. 2000—2005. М.: Новое издательство, 2006.
[3] Sztompka P. (1999) Trust: A Sociological Theory. New York, NY: Cambridge University Press.
[4] Левада Ю. Механизмы и функции общественного доверия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 3. С. 7—12. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/255/991/1219/02levada-7-12.pdf.
[5] См. аналитический обзор «Рейтинги одобрения и неодобрения органов власти» от 19.12.2000 на сайте ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rejtingi-odobreniya-i-neodobreniya-organov-vlasti.

Федерации доверяли 66,5%[6]. И это доверие уже базируется не столько на абстрактных ожиданиях от харизматичного лидера, сколько на высокой включенности в процессы (зависимости от реализуемых проектов) и восприятии будущего в неразрывной связи с действующим президентом (по крайней мере, во временно́м диапазоне борьбы с коронавирусом). Хоть по истечении одного из самых сложных годов в истории руководства страной действующим президентом показатель несколько снизился (в конце декабря 2019 года он составлял 70,9%), но не катастрофично. Определение доверия как «ставки в отношении будущих неопределенных действий других» наиболее точно характеризует ситуацию. В качестве основы для такой «ставки» выступают ретроспективное восприятие реализуемой политики и убежденность в принятии мер, необходимых для обеспечения безопасности и стабилизации экономики.

Еще одна «модная» формула, через которую ФОМ рассматривал уровень доверия бизнеса к государству в период вызванного коронавирусными ограничениями кризиса[7], изложена в работе «Советник, которому доверяют» (The Trusted Advisor) Дэвида Майстера, Чарльза Грина и Роберта Галфорда.

Формула доверия:

$$К_д = \frac{У + Н + Б}{О_с},$$

где $К_д$ — коэффициент доверия (trustworthiness),

У — убедительность, основанная на правдивости (credibility),

Н — надежность (reliability),

Б — близость (intimacy),

$О_с$ — ориентация на себя (self-orientation).

Попробуем через призму этих показателей оценить, что же происходило и происходит с доверием к государству и олицетворяющим его первым лицам страны.

Убедительность, основанная на правдивости (У) — представления участников отношений о том, насколько можно верить словам и декларациям, насколько они понятны и убедительны. Особо подчеркивается важность постоянной переоценки предыдущего опыта отношений. Если мы говорим об уровне доверия

[6] Данные опубликованы в аналитическом обзоре «Рейтинги доверия политикам, оценки работы президента и правительства, поддержка политических партий» 25.12.2020 на сайте ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-7.

[7] См.: Малый бизнес и государство: уравнение доверия // к-ФОМ. 24.11.2020. URL: https://covid19.fom.ru/post/malyj-biznes-i-gosudarstvo-uravnenie-doveriya.

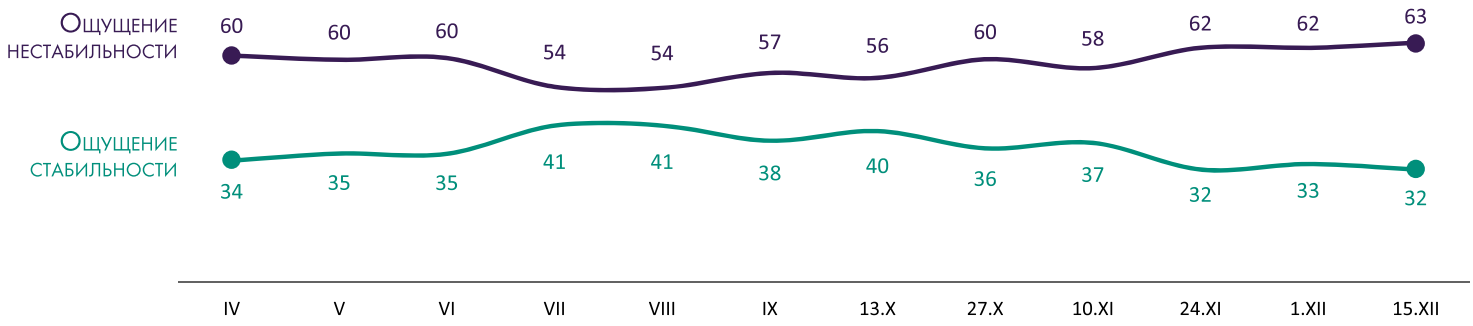
президенту и государству сегодня, по истечении десятилетий правления, это как раз о переоценке.

Косвенным показателем убедительности выступает уровень интереса россиян к транслируемым президентом сообщениям. Например, интерес к ежегодной пресс-конференция президента 17 декабря 2020 года проявляли 71 % россиян. При этом критерий «переоценки» выражался в том, что 62 % россиян (несмотря на все сложности пережитого года) одобряли его деятельность.

Что же касается эффектов реализуемой политики, то за 20 лет с момента избрания действующего главы государства в качестве президента крепла уверенность россиян в завтрашнем дне. Согласно подходу Энтони Гидденса, доверие может рассматриваться как проявление уверенности, которое является своеобразным «погружением в веру» в условиях нехватки информации. «И элементарное доверие, и доверие абстрактным системам (техническим, экспертным) выполняют функции создания локалов стабильности, с присущим им чувством безопасности. По мнению Э. Гидденса, невозможность индивида самостоятельно сохранить стабильность своего жизненного мира вынуждает его верить в бесперебойность функционирования системы и добропорядочность окружающих его социальных акторов»[8].

Рис. 1. Скажите, пожалуйста, какое слово из перечисленных точнее всего отражает лично Ваше настроение в последнее время?

(в % от опрошенных по каждой позиции, 2020 г.)[9]



Если в 2000 году о том, что испытывают чувство уверенности в завтрашнем дне, заявлял только каждый третий опрошенный (33 %), то в декабре 2019 года — уже каждый второй (51 %), причем самая высокая доля уверенных в будущем была зафиксирована среди молодых людей в возрасте 18—24 лет (71 %)[10].

[8] Алексеева А. Ю. Уверенность, социальное и межличностное доверие: критерии различения // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 4. С. 11.

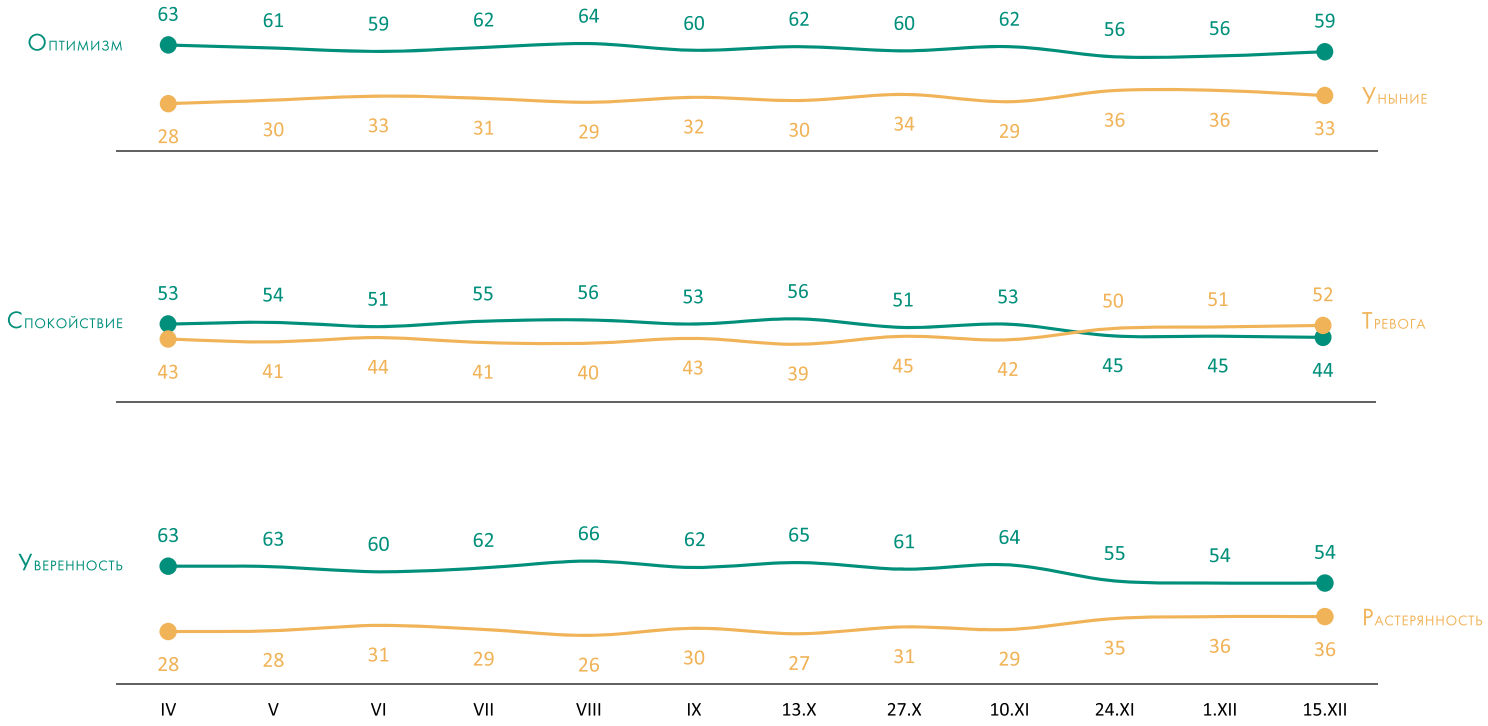
[9] Опубликовано в презентации «2020: основные тренды» на сайте ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/presentation/prezentacii/2020-osnovnye-trendy.

[10] Данные опубликованы в аналитическом докладе «1999—2019: рост уверенности в завтрашнем дне» 30.12.2019 на сайте ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/19992019-rost-uverennosti-v-zavtrashnem-dne.

Однако COVID и постпандемические эффекты повлияли на эмоциональный фон и уровень уверенности россиян в завтрашнем дне (что стало тестом на устойчивость доверия к власти и политическому лидеру страны).

Рис. 2—4. Скажите, пожалуйста, какое слово из перечисленных точнее всего отражает лично Ваше настроение в последнее время?

(в % от опрошенных по каждой позиции, 2020 г.)[11]



Надежность (Н) — связь между словами и делами, декларируемые намерения и реальные действия в текущий момент («порядочность»). В ответ на наиболее актуальные запросы населения принимаются конкретные действия. Так, за обозначением цели урегулирования ситуации на Северном Кавказе последовали конкретные действия, приведшие к обещанному результату; было декларировано выполнение майских указов — за их невыполнением последовала смена правительства.

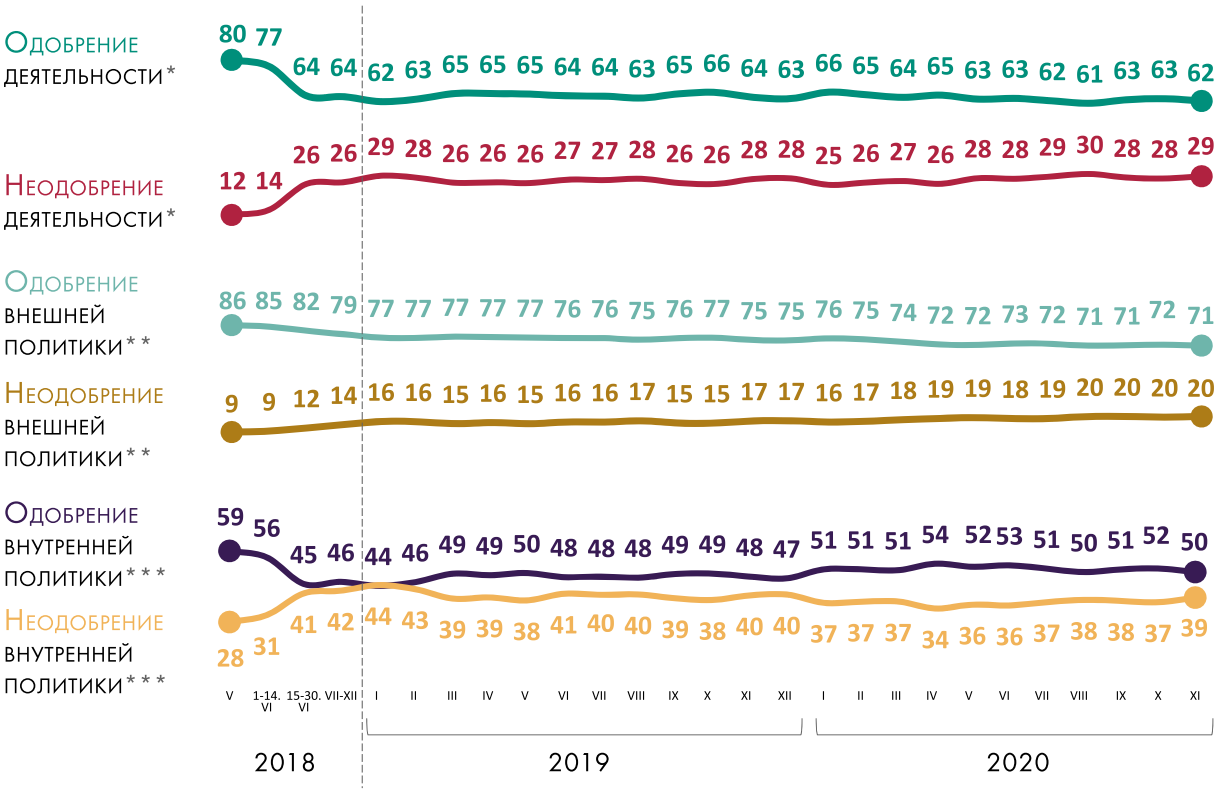
Ключевой характеристикой восприятия главы государства россиянами выступает защита интересов страны на международной арене: к наиболее значимым успехам, которых достигла Россия за последние 10—15 лет, россияне в марте 2020 года относили в первую очередь присоединение Крыма, развитие армии и военной промышленности[12].

[11] Там же.

[12] Данные опубликованы в аналитическом докладе «Патриотизм сегодня: не только любить, но и работать!» 11.06.2020 на сайте ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnya-ne-tolko-lyubit-no-i-rabotat.

Что же касается внутренней политики, можно предположить, что для населения как группы конечных потребителей государственных услуг президент выступает скорее ключевым стратегом, определяющим вектор развития. В структуре восприятия отдельных направлений работы президента доминирует позитивное отношение к деятельности на международной арене, в то время как уровень одобрения внутренней политики несколько ниже.

Рис. 5. Оценки деятельности В. Путина по различным направлениям[13]



* «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность президента России?» (в % от опрошенных).

** «В целом Вы одобряете или не одобряете деятельность президента России в сфере внешней политики?» (в % от опрошенных).

*** «В целом Вы одобряете или не одобряете деятельность президента России в сфере внутренней политики?» (в % от опрошенных).

Правительство (рейтинг которого всегда стабильно ниже) берет на себя бремя ответственности за практическую реализацию социальной политики, и неэффективность работы по выполнению этих обязательств неизбежно отражается на уровне доверия как к губернатору, так и к руководителю того федерального ведомства, которое контролирует соответствующий сегмент. Реализация мер по достижению стратегических приоритетов является основной функцией исполнительных орга-

[13] Опубликовано в презентации «2020: основные тренды» на сайте ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/presentation/prezentacii/2020-osnovnye-trendy.

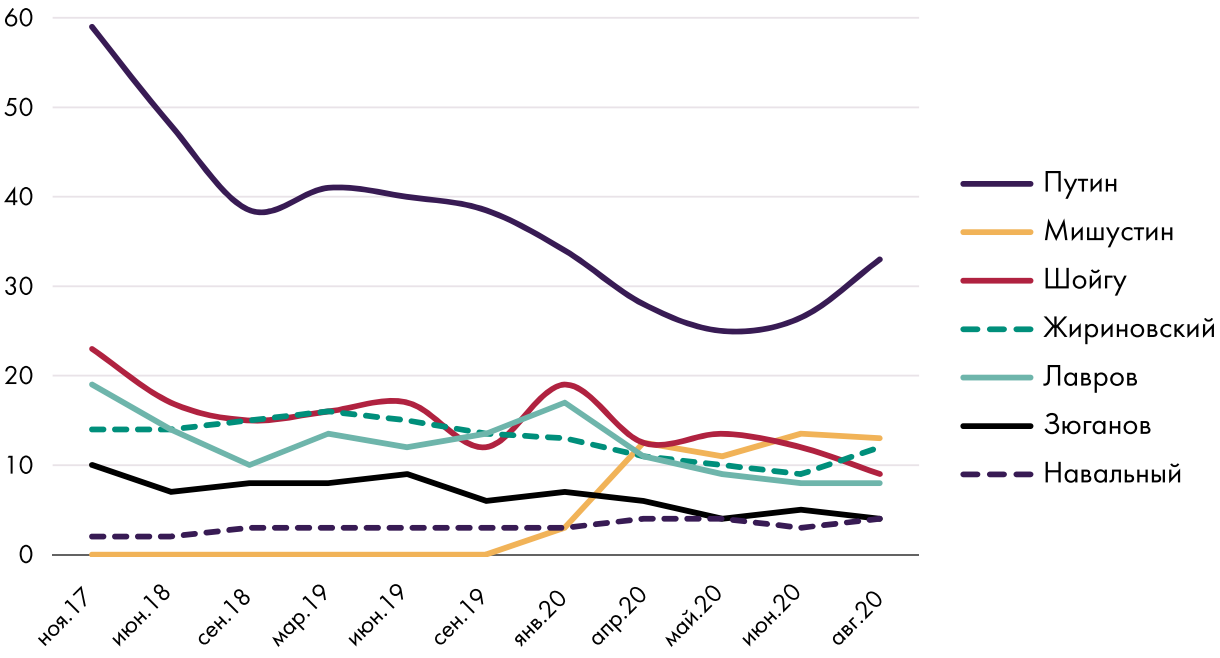
нов власти, и априори рейтинг доверия к ним зависит от повседневных практик взаимодействия сотрудников, выполняющих эти полномочия на местах.

Близость (Б) — «степень реальной вовлеченности в сферу интересов другой стороны, готовность двигаться навстречу, выходя за границы транзакционного обмена в рамках обязанностей (категория, определяющая степень риска)». Можно найти массу как позитивных, так и отрицательных примеров, иллюстрирующих степень колебания данной характеристики. Пенсионная реформа сильно пошатнула позиции председателя Правительства РФ Дмитрия Медведева — после ее объявления доверие к правительству и премьеру уже не удалось восстановить — реализовывать планы, предусматривающие активное участие больших слоев населения, оказалось невозможно. Решение, непродуманные сроки его принятия, спонтанность, отсутствие предварительного диалога с обществом оказали негативное влияние и на уровень доверия к президенту.

Обратный эффект имело введение материнского капитала, расширение возможностей для пользования данной социальной льготой. Однозначно данное стратегическое решение способствовало усилению доверия к президенту (как стратегу).

Рис. 6. Назовите, пожалуйста, пять-шесть политиков, общественных деятелей, которым Вы более всего доверяете

(открытый вопрос)[14]



[14] Источник: Доверие институтам // Левада-центр. 21.09.2020. URL: https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/.

Реальная вовлеченность и готовность двигаться навстречу — это и реакция на общественный запрос на перемены, реализованная через назначение нового премьер-министра и обновление кабинета министров. Решение, обеспечившее возможность повышения оперативности действий при наступлении пандемической угрозы. Уровень доверия премьер-министру в августе 2020 года превысил аналогичные показатели по отношению ко всем другим знаковым фигурам на российской политической арене.

Ориентация на себя (О). Отражает способность держать в фокусе не только сферу собственных интересов, но также способность «сесть за одну сторону стола». Выражая озабоченность, неудовлетворенность положением дел в отдельных сферах, россияне активно включаются в решение проблем — уже в 2018 году 66 % россиян принимали участие в различных видах добровольческой деятельности (в формате волонтеров, участников благотворительных акций и т. п.)[15]. В период самоизоляции две трети россиян (64%) лично были готовы оказать помощь людям, которые находились на карантине, в том числе одиноким[16].

В целом же ситуация неопределенности привела к снижению уровня доверия к национальным правительствам во многих странах мира — на фоне затяжных ограничений и ухудшения ситуации население стало сомневаться в полноте и правдивости транслируемой национальными лидерами информации.

Рис. 7. Индекс доверия

(11 стран, включенных в весеннее обновление Барометра доверия 2020 года)[17]

Government	+/- Jan 2020 to May 2020	+/- May 2020 to Jan 2021
S. Korea	+16	-17
UK	+24	-15
China	+5	-13
Mexico	+12	-12
Canada	+20	-11
India	+6	-8
U.S.	+9	-6
Germany	+19	-5
Japan	-5	-1
Saudi Arabia	+5	-1
France	+13	+2

[15] Данные опубликованы в аналитическом обзоре «Добровольчество и волонтерство: как мы помогаем друг другу?» 22.10.2018 на сайте ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dobrovolchestvo-i-volontyorstvo-kak-my-pomogaem-drug-drugu-.

[16] Данные опубликованы в аналитическом докладе «Волонтеры против коронавируса» 24.04.2020 на сайте ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-protiv-koronavirusa.

[17] Источник: Edelman Trust Barometer 2021. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2021-01/2021-edelman-trust-barometer.pdf.

Анализ отношения к другим политическим деятелям (министрам, губернаторам, политикам) через призму «ставочного» подхода позволяет говорить о высокой зависимости уровня доверия от воспринимаемой устойчивости в системе политической иерархии. На элементарном уровне — какой смысл верить обещаниям, что когда-то наступит светлое будущее, активно включаться в какие-то инициируемые/возглавляемые отдельными политическими фигурами инициативы, если будущее может быть с ними не связано (соответственно, устойчивость проектов вызывает сомнения). Напротив, вполне объясним феномен устойчивого уровня доверия к В. Жириновскому — политику, от которого давно не ожидают реальных преобразований, однако не сомневаются в стабильности его позиции на политической арене.

Социальные институты

На мезоуровне социальных институтов как в течение последних лет, так и особенно в период коронакризиса наблюдались несколько иные процессы, при которых доверие/недоверие к разным институтам в большей степени стало взаимозависимым. Для каких-то социальных институтов эффекты оказались менее ощутимы: остановимся на тех, для которых пошатнувшееся доверие привело к снижению функциональности, поставило под угрозу выстроенную мотивационно-мобилизационную систему.

Наибольшую устойчивость и стабильность с точки зрения воспроизводства уровня доверия демонстрируют те социальные институты, которые в течение последнего десятилетия воспринимались как субъекты усиления мощи страны, обеспечивали безопасность россиян в условиях внешних угроз. Так, согласно данным исследования «Левада-центра», проводившегося в августе 2020 года, именно связка «армия — президент» продолжает занимать лидирующие позиции в рейтинге доверия социальным институтам[18].

СМИ

В течение последних лет наблюдались процессы, связанные с поиском достоверных каналов получения информации. Волнообразные колебания отражают спрос на получение достоверных данных, смещение аудиторий от одного сегмента к другому.

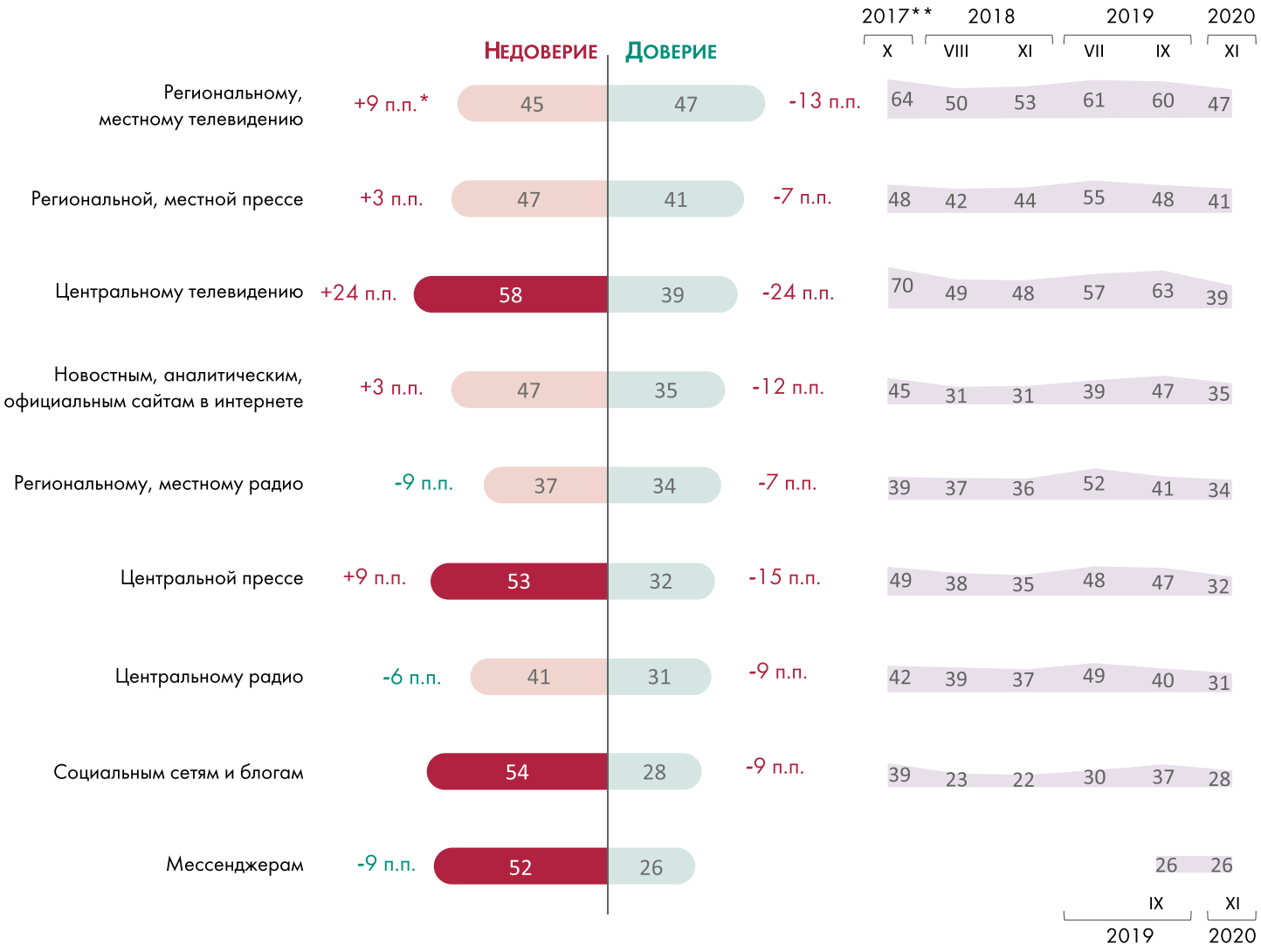
В период самоизоляции в крупных городах СМИ для многих россиян стали основным источником связи с внешним миром, и даже игнорировавшие ранее задаваемую федеральными каналами повестку стали пристально следить за новостной лентой. Но высокие ожидания по отношению к СМИ как основному источнику

[18] Доверие // Левада-центр. 17.09.2020. URL: https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/doverie-4/.

получения достоверной информации не оправдались. Потенциал восстановления утраченного доверия не только не был использован — доверие к российским федеральным и региональным средствам массовой информации стремительно стало опускаться (и есть подозрения, что вряд ли будет восстановлено). Легендарное «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку» И. Бродского в этот период стало, пожалуй, единственным четко считываемым и однозначным месседжем.

Рис. 8. Доверяете ли Вы следующим средствам массовой информации или нет?

(в % от опрошенных)[19]



* В сравнении с сентябрем 2019 г. Представлена динамика от ±3 п.п. и выше.

** В 2017 г. проводился общероссийский поквартирный опрос, 1600 респондентов.

[19] Опубликовано в презентации «2020: основные тренды» на сайте ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/presentation/prezentacii/2020-osnovnye-trendy.

СМИ стали заложниками противоречия между необходимостью выдачи актуального контента и высокой неопределенностью в понимании ситуации и прогнозов ее развития. Результат закономерен: если в 2017 году СМИ доверяли 63 % россиян, в ноябре 2020 года уровень доверия к данному социальному институту составлял 42,1 % (в 2019 году — 51,7 %)[20].

Воспроизводство в условиях запроса на высокую достоверность транслируемой информации формата эпатажно-провокационных дискуссий вряд ли соответствовало ожиданиям населения, а постоянные сводки о количестве смертей стали причиной формирования эмоциональной блокировки негатива, на источник которого аудитория никак не могла повлиять (даже во время трансляций о ходе военных действий в ходе ВОВ ключевым сообщением было «Победа будет за нами!», в то время как в период борьбы в коронавирусным врагом это было скорее «Мы все умрем!»).

Данный тренд характерен не только для России — стремительное снижение доверия к СМИ фиксируется в мировом масштабе и оказывает влияние на отношение к социальным институтам в разных странах. Согласно данным «Барометра доверия Эдельмана 2021 года», именно «эпидемия дезинформации», «информационное банкротство» привели к разрушению экосистемы доверия, наиболее сильно ударили по таким социальным институтам, как бизнес, органы государственной власти, неправительственные организации и СМИ[21].

Любопытно, что на этом фоне одним из ключевых источников достоверной информации стали корпоративные СМИ — согласно данным «Эдельмана», им доверяют 61 % респондентов в 28 странах мира, что превосходит уровень доверия ко всем другим каналам коммуникации. В текущих условиях все более актуальным становится вопрос сохранения информационной гигиены, которая, согласно представленному подходу, включает в себя ориентацию на получение новостных сообщений, избегание эхо-камер, критичное отношение к информации (проверку сообщений), отказ от тиражирования непроверенной информации. Низкий уровень информационной гигиены присущ 39 % населения в странах опроса, в то время как высокий — только 26 % (что в значительной мере влияет на выбираемые модели поведения — к этому вопросу вернемся позднее).

Мы видим начало нового этапа потребления информации — с гораздо более критичным отношением ко всем каналам коммуникации, как федеральным, так и условно контролируемым (таким как социальные сети и т. п.). СМИ не только

[20] Данные опубликованы в аналитическом докладе «Главные российские институты: общественная оценка» 26.11.2020 на сайте ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/glavnye-rossiiskie-instituty-obshchestvennaja-ocenka.
[21] Edelman Trust Barometer 2021. URL: https://www.edelman.com/trust/2021-trust-barometer.

стремительно теряют доверие, снижается их мобилизационная функция (что будет иметь веерный эффект не только на взаимоотношения государства с населением, но и на маркетинговые коммуникации, бизнес-процессы).

Наука

Проблема трансформации института академической науки в постакадемическую, предусматривающую большую степень практикоориентированности и встраивание в рыночные отношения, назревала давно. Она глобальна и несет в себе изменения в функциональной системе данного социального института во многих странах мира. Этот аспект достаточно подробно разбирали в своей работе коллеги из МГИМО[22]. К числу специфических российских проблем, вызванных попыткой адаптации моделей управления научной деятельностью к западным стандартам, стало продуцирование псевдонаучной деятельности (на базе стремления обеспечить достижение установленных показателей научной активности), отток высококвалифицированных специалистов за рубеж (ситуацию с «утечкой умов» кардинально не удалось изменить, хотя объемы эмиграции ученых все же сократились). Происходившие процессы привели к снижению уровня доверия как ученых к государству (как задающему вектор развития, противоречащий устоявшейся мотивационно-ценностной системе занимающихся научной деятельностью), так и населения к институту науки в целом.

Достаточно противоречивая транслируемая информация о природе и степени опасности вируса повлияла и на отношение к научной деятельности. По сравнению с 2017 годом на фоне неопределенности в июле 2020 года с 5% до 16% возросла доля россиян, с недоверием относящихся к ученым, а доля однозначно доверяющих служителям науки сократилась с 39% до 12%[23]. Отсутствие единой позиции, смелости признать неготовность к столь быстрому поиску оптимальных решений по борьбе с новым вирусом, конкуренция между отдельными исследовательскими центрами и странами — неоднозначная реакция вирусологов и фармацевтов, ставших в этот сложный период олицетворением всего научного сообщества, на новые вызовы оказала негативное влияние на восприятие собирательного образа российского ученого и данного социального института в целом.

Падение доверия к представителям академической науки наблюдается и в международном масштабе — в 2021 году достигнуто минимальное значение показателя, характеризующего уровень доверия к спикерам от науки.

[22] Зарубина Н., Носкова А., Темницкий А. Глобализация науки и доверие к социальному знанию // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 1. С. 186–199. https://www.doi.org/10.17994/IT.2017.15.1.48.15.

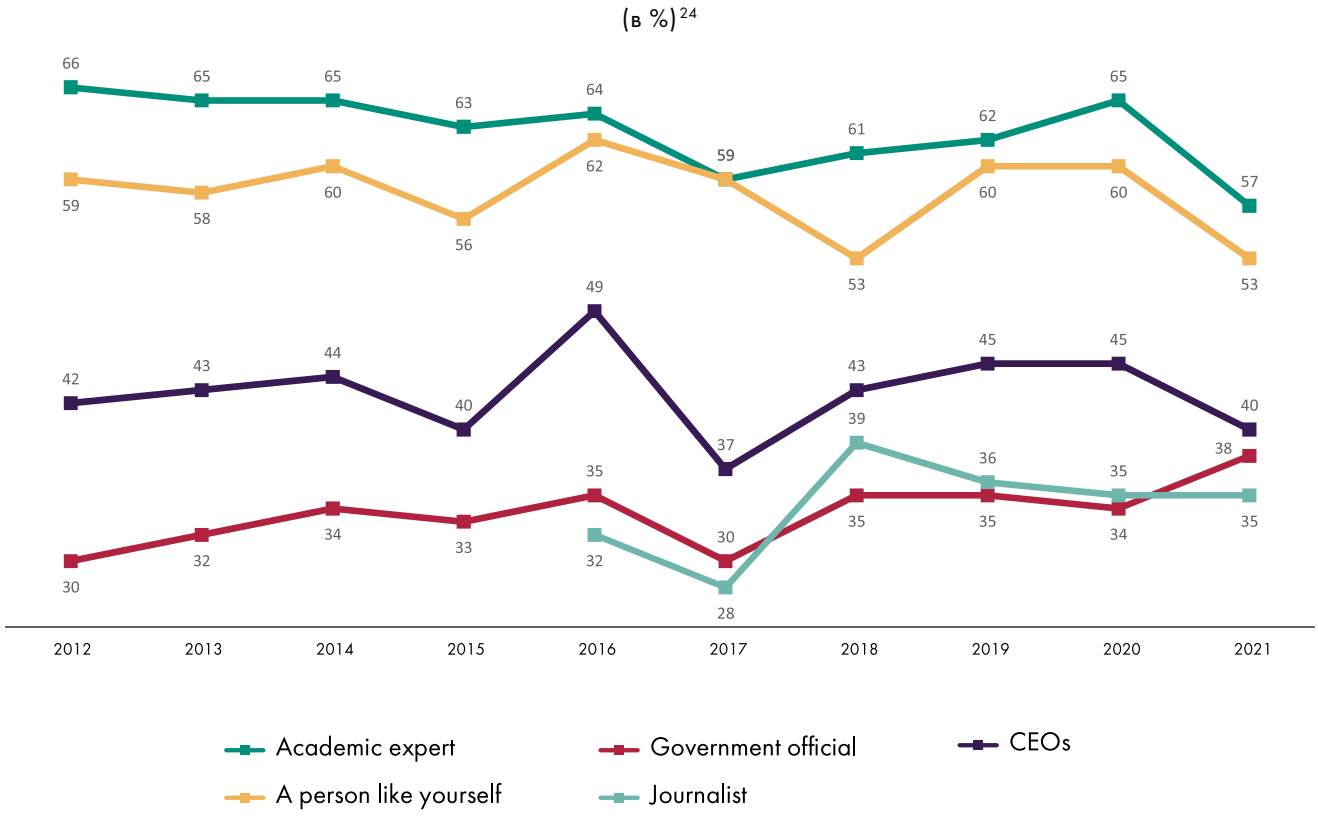
[23] Данные опубликованы в аналитическом обзоре «Наука и учёные на фоне пандемии: кризис общественного доверия?» 20.07.2020 на сайте ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauka-i-uchyonye-na-fone-pandemii-krizis-obshhestvennogo-doveriya.

Снижение доверия научным работникам — это долгосрочный тренд. Сегодня нет достаточно убедительных доказательств, что доверие российскому ученому изменилось именно вследствие пандемии. Тем более что российские ученые быстро создали эффективную вакцину от COVID-19, чего не смогли сделать многие другие экономически развитые страны мира. Массовая вакцинация населения также стартовала в России довольно быстро. Поэтому мы можем выдвигать альтернативные гипотезы о том, как изменился уровень доверия российским ученым, особенно в сфере медицины с марта 2020 по март 2021 года.

Татарко Александр Николаевич

доктор психологических наук, профессор департамента психологии факультета социальных наук, зам. директора Центра социокультурных исследований, академический руководитель магистерской программы «Прикладная социальная психология» факультета социальных наук, НИУ ВШЭ

Рис. 9. Динамика уровня доверия к источникам новостей и информации



[24] Источник: Edelman Trust Barometer 2021. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2021-01/2021-edelman-trust-barometer.pdf.

Тем не менее успехи российских ученых, связанные с изобретением вакцины от коронавируса, способствовали усилению доверия к данному социальному институту. Согласно результатам опроса, проводившегося в феврале 2021 года, 82% россиян в той или иной степени были готовы доверять мнению представителей российского научного сообщества. Насколько устойчивым будет данный тренд, изменит ли изобретение вакцины отношение к науке и в других странах — покажет время.

Табл. 1. Оцените, насколько Вы согласны или не согласны со следующими утверждениями...

(закрытый вопрос, один ответ по каждой строке, в % от всех опрошенных)[25]

	Абсолютно согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Абсолютно не согласен	Затрудняюсь ответить
Я доверяю мнению российских ученых	24	58	10	4	4
Престиж ученых в российском обществе за последний год вырос	15	44	24	12	5
Развитие науки и технологий направлено на благо общества	31	44	15	7	3

Здравоохранение

Специфика освещения ситуации в период пандемии в СМИ значимо повлияла на восприятие системы здравоохранения. При общем росте уважения к профессии медика (на базе многочисленных сообщений о высоких рисках для здоровья и беспрецедентной нагрузке, которая легла на плечи медиков) за период пандемии доля заявляющих о падении доверия к медикам значимо выросла. Согласно данным опроса, проведенного ВЦИОМ в ноябре 2020 года, о снижении собственного уровня доверия к врачам заявляли 26% россиян (в то время как об обратном говорили 15%)[26].

[25] Данные опубликованы в аналитическом обзоре «Год науки» 18.02.2021 на сайте ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/god-nauki.

[26] Опубликовано в презентации «Доверие системе здравоохранения» на сайте ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/presentation/prezentacii/doverie-sisteme-zdravookhranenija.

Снижение уровня доверия к системе здравоохранения проявляется и в низкой мобилизации населения в рамках прививочной кампании — в стране, первой заявившей об изобретении вакцины, скорость вовлечения населения в процесс вакцинации не так уж велика.

> *Нельзя однозначно сказать, что скорость вовлечения населения в прививочный процесс зависит от доверия системе здравоохранения. Это может быть следствием фобий, которые циркулируют среди населения с момента появления вакцины, причем эти фобии встречаются даже среди самих работников здравоохранения низших звеньев, в частности среди некоторых медсестер. Среди населения распространены не подкрепленные какими-либо данными мифы о том, что эта вакцина может приводить к бесплодию, что она не проверена, может вызывать отдаленные негативные последствия и т. д. То есть мифы вокруг вакцины Спутник-V живут своей жизнью.*
>
>
>
> **Татарко Александр Николаевич**
>
> *Подробнее о ковидоскептиках читайте: Завадская М. А., Соколов Б. О. Социально-демографические и личностные особенности ковид-скептиков в России*

Согласно данным опроса, проведенного Всемирным экономическим форумом (ВЭФ) и исследовательской компанией Ipsos в 27 странах мира в августе 2020 года, россияне оказались наименее заинтересованными в вакцинации — только 54 % заявляли о готовности сделать прививку (а о наличии четко выраженных установок на то, чтобы ее все же сделать, сказали только 19 %)[27]. Схожая картина наблюдалась в Венгрии и Польше.

Однако при сравнении этих данных с допандемическим периодом и доминировавшим в обществе отношением к вакцинации становится понятно, что настороженное отношение к любым видам вакцинации было сформировано задолго до эпидемии COVID-19. Так, осенью 2019 года менее трети россиян (28 %) заявляли, что планируют сделать прививку от вируса гриппа. Основными причинами отказа от вакцинации выступали удовлетворенность своим здоровьем (сильный иммунитет, отсутствие необходимости в прививках), сомнения в эффективности прививок (23 % «отказников»), опасения негативных последствий для здоровья (20 %), недоверие к вакцинам в целом (11 %). Аналогичные

[27] Three in Four Adults Globally Say They'd Get a Vaccine for COVID-19 — But Is This Enough? *World Economic Forum*. URL: https://www.weforum.org/press/2020/08/three-in-four-adults-globally-say-they-d-get-a-vaccine-for-covid-19-but-is-this-enough.

тренды наблюдались и в отношении к другим прививкам (например, вируса папилломы человека)[28].

При этом рост недоверия к прививкам нельзя назвать сугубо российской особенностью — аналогичные тенденции наблюдались во всем мире. Благотворительный фонд Wellcome Trust опубликовал результаты социологического опроса, проведенного в 140 странах мира, об отношении людей к науке и медицине. Был зафиксирован рост недоверия людей к вакцинам. Директор фонда Джереми Фаррар отмечал:

> «*Не так важно, насколько велики ваши идеи, впечатляющи новые методы лечения или убедительна ваша наука, ее должны принимать люди, которые сами получают от нее выгоду. Например, вакцинация является одним из самых мощных инструментов системы здравоохранения, поэтому надо, чтобы люди доверяли ей*»[29].

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) внесла недоверие к вакцинации в перечень десяти наиболее актуальных проблем здравоохранения, угрожающих здоровью населения (направление было внесено в качестве приоритетного в план работы организации на 2019 год, когда никто еще и не слышал о COVID-19)[30]. Надо отметить, что сама проблема не нова, антивакцинаторство зародилось еще в первой половине XIX века, и изобретение новых вакцин, массовые вакцинации всегда сопровождались громкими голосами противников, оперирующих традиционно такими категориями, как «теория заговора фармацевтов», «сомнительная эффективность прививок», «отрицательные последствия вакцинации», «нарушение прав человека» и т. п.

Наиболее скептическое отношение к вакцинации в течение последнего десятилетия наблюдалось в странах Восточной Европы. Дали свои плоды процессы, связанные с модернизацией социальных институтов в странах социалистического лагеря, в том числе снижение внимания к развитию национальных научных школ (и отрицательная динамика в области научных исследований), активное продвижение западных, не всегда апробированных и имеющих доказанный эффект разработок в сфере здравоохранения.

Недоверие — как к ученым, так и к медикам, фармацевтам, — порождает опасения, связанные с собственной физиологической защищенностью. «Выжидательные» модели (*«вот посмотрим, что с привитыми будет через год — может, все сойдут*

[28] Данные опубликованы в аналитическом обзоре «Прививки: больная тема или необходимая профилактика?» 07.10.2019 на сайте ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/privivki-bolnaya-tema-ili-neobkhodimaya-profilaktika.

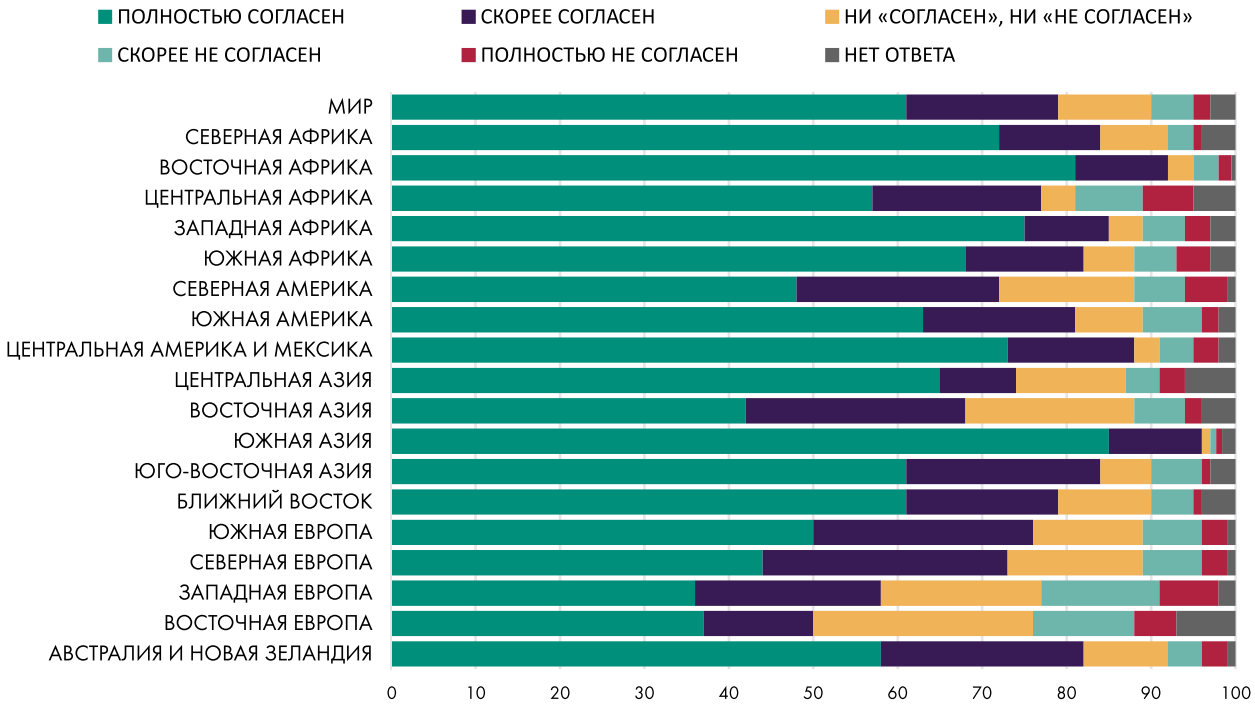
[29] Wellcome Global Monitor 2018. URL: https://wellcome.org/reports/wellcome-global-monitor/2018.

[30] Десять проблем здравоохранения, над которыми ВОЗ будет работать в 2019 году // ВОЗ. URL: https://www.who.int/ru/news-room/spotlight/ten-threats-to-global-health-in-2019.

с ума», «неизвестно, смогут ли после нее рожать») в определенной степени оправданны, связаны с представлениями о сроках апробации и тестирования новых разработок, но в чем-то обусловлены и нараставшим в течение многих лет разрывом между наукой, учеными и обществом, отсутствием ключевых месседжей, развенчивающих тиражируемые мифы и стереотипы. На фоне недоверия к СМИ и отсутствия ответов на вызывающие тревогу и опасения вопросы часть россиян предпочитает сознательно принимать на себя коммуникационные ограничения, предпочитая пространственно-изоляционные модели самоограничения в противовес медицинским способам защиты от COVID. Хотя определенное влияние на динамику вакцинации оказал и период старта массовой прививочной кампании (с 5 декабря в Москве, с 15 декабря — во всех регионах РФ), на фоне отсутствия практически года ярких позитивно окрашенных событий самый любимый россиянами новогодний праздник они не хотели праздновать в условиях жестких самоограничений, которые надо соблюдать вакцинированным.

Рис. 10. Как в разных регионах мира относятся к безопасности вакцинации, %

(ответы на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что прививки безопасны?»)[31]



Выжидательную позицию занимают не только россияне. Например, согласно данным исследования Сеульского университета, 68 % жителей Южной Кореи предпочитают наблюдать за эффектами от прививки со стороны (хотя 80 % не от-

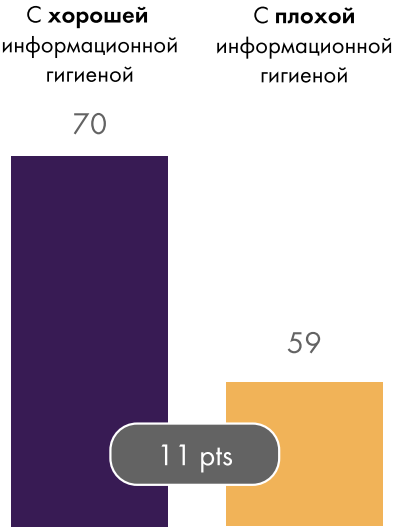
[31] Источник: Wellcome Global Monitor.

рицают возможность сделать прививку в дальнейшем). Треть населения страны (32 %) не доверяют вакцинам от коронавируса[32].

Возвращаясь к данным международного барометра, необходимо отметить, что отношение к вакцинации зависит не только от ранее сформировавшегося отношения к прививкам, но и от моделей потребления информации — высокий уровень информационной гигиены определяет более лояльное отношение к вакцинации от COVID, в то время как среди групп с низким уровнем информационной гигиены ориентация на участие в прививочной кампании менее выражена.

Рис. 11. Влияние информационной гигиены на темпы вакцинации

(% от тех, кто сказал, что будет вакцинироваться от COVID-19 в течение ближайшего года)[33]



Распространение дезинформации (эмоционально заряженного, но не соответствующего действительности контента) стало объектом обеспокоенности ООН, которая во Всемирный день социальных сетей запустила кампанию Verified — «Проверено!», призывающую пользователей делиться только проверенной информацией по вопросам, касающимся личного и общественного здоровья. Целый ряд медиагигантов, крупные социальные сети (включая Facebook, Twitter, YouTube и TikTok) также заявили о готовности включиться в борьбу с распространением дезинформации, касающейся пандемии COVID-19[34]. Возможно, постепенно внедряемая практика фильтрации информации на индивидуальном уровне станет основой для формирования новой культуры потребления и тиражирования контента, поворотным этапом в моделях коммуникационного взаимодействия.

[32] Большинство жителей Южной Кореи не спешат прививаться от коронавируса // Интерфакс. 14.01.2021. URL: https://www.interfax.ru/world/745086.
[33] Источник: Edelman Trust Barometer 2021. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2021-01/2021-edelman-trust-barometer.pdf.
[34] Кампания ООН против дезинформации: семь раз подумай — один раз поделись // Новости ООН. 30.06.2020. URL: https://news.un.org/ru/story/2020/06/1381212.

Рынок труда и бизнес

Долгосрочные эффекты ситуация пандемии может оказать на рынок труда: в период самоизоляции россияне серьезно задумались об индивидуальных жизненных стратегиях и приоритетах. Ситуация самоизоляции и перехода части россиян на удаленный формат работы привела к снижению значимости таких факторов, как социальный статус, продвижение по карьерной лестнице.

Табл. 2. Насколько для Вас важны следующие стороны Вашей жизни? Ваш социальный статус, положение в обществе

(закрытый вопрос, один ответ, % респондентов)[35]

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2014 г.	2017 г.	2020 г.	2020 г. сентябрь
Очень важно	44	45	43	48	45	36	35	20	25
Скорее важно	41	40	41	37	40	39	32	40	37
Скорее не важно	11	10	11	10	10	17	17	23	22
Совершенно не важно	2	2	2	2	2	6	11	13	13
Затрудняюсь ответить	2	3	3	3	3	2	5	4	3

Фактически произошло сужение, изменение круга значимых других, с ориентацией на которых ранее осуществлялась самоидентификация — новая система координат становится основой для выстраивания иной матрицы социально-ролевого взаимодействия. В этой ситуации работодатели могут столкнуться с необходимостью разработки принципиально новых мотивационных схем и стимулов, а российское допандемическое общество универсалистского образца достижения (при сохранении устойчивости данных трендов) может трансформироваться в новый тип общественной системы, не укладывающейся в строгие рамки теории Т. Парсонса.

Как это связано с доверием? Очень просто: доверие (как сопряженное с будущим и ожиданиями) в условиях неопределенности — как с точки зрения длительности сохранения высоких эпидемиологических рисков, так и в сфере экономики, — неизбежно подверглось деформации. В итоге неуверенность в устойчивости своих компаний и/или слабая прогнозируемость развития конкретного экономического сегмента в совокупности привели к снижению степени значимости такой

[35] Данные опубликованы в аналитическом обзоре «Здоровье, безопасность, семья и работа» 14.10.2020 на сайте ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-bezopasnost-semya-i-rabota.

характеристики, как ориентация на достижение успеха. Фактор «ориентации на себя» перестал действовать — неопределенность снизила горизонты для выдачи «доверительных кредитов».

Тем не менее в условиях неопределенности и кризиса доверия работодатели остаются одним из оплотов стабильности с 76% глобального доверия (в соответствии с международным рейтингом Эдельмана). В России также население надеется на получение поддержки в большей степени от своего близкого окружения, а также от работодателей (в меньшей степени рассчитывая на помощь государства и/или финансовых институтов).

Сам бизнес на этом фоне остается одним из наиболее устойчивых сегментов. В определенной степени он накопил «доверительный капитал» за счет активного включения в решение социальные вопросов, которые в условиях нарастающих рисков оказались вне зоны внимания правительственных структур.

Социальные группы. Индивид

И теперь то, о чем хоть раз задумывался в период самоизоляции и ограничений каждый россиянин. Согласно Ф. Теннису и Г. Зиммелю, обобщенное доверие является своего рода мировоззренческой установкой, выражающей готовность индивида *рассматривать окружающих как вполне безопасных, не угрожающих позиции или интересам данного индивида и потому заслуживающих доверия*. Оно основано на ожиданиях относительно надежности других индивидов вообще, то есть как одной из характеристик людей. Уверенность индивида, что его знания о реальном объекте адекватно разделяются ближайшим окружением, находят отклик и поддержку, придает доверию устойчивый характер[36].

Пандемия создала ситуацию беспрецедентной неопределенности, не позволяющей быть уверенным в других, даже самых близких. В классической пирамиде потребностей потребности в личной физической безопасности всегда доминируют над социальными — риски для здоровья и жизни привели к стремительному сокращению количества контактов с профессиональным окружением, друзьями, не только дальними, но даже близкими родственниками. Прямоугольник маски стал как физиологической защитой, так и ментальным барьером, вводящим жесткий запрет на нарушение личного пространства. Любые контакты с внешним миром стали для определенной части людей источником угрозы, возникновения подозрений по отношению к другим. Боязнь контактов с больными/переносчика-

[36] Зубок Ю.А., Чупров В.И. Доверие в саморегуляции социальных взаимодействий молодежи в изменяющейся социальной реальности // Проблемы развития территории. 2016. № 5. С. 29—36

ми инфекции вошла в число устойчивых индивидуальных и социальных страхов, заняв четвертое место в рейтинге после риска безработицы, рисков, связанных с климатическими изменениями, и рисками, касающимися кибербезопасности (ее в той или иной мере испытывают 65 % населения в 28 странах мира)[37].

Идентичности. Претерпели изменения идентификационные матрицы. Нахождение в условиях локального пространства, ограниченного территорией собственного жилища, привело к снижению значимости факторов, лежащих в основе этнической, конфессиональной идентичностей — стимулы для активизации этих идентичностей по объективным причинам отсутствовали. Групповая идентичность имеет значение в условиях противопоставления себя другим. Когда же «другие» оказываются вне зоны взаимодействия, основания для сравнения отсутствуют, этнический и конфессиональный факторы становятся вторичными — на первый план выходят семейные, локальные (общинные) роли. И даже общегражданская идентичность, стабильно укреплявшаяся из года в год, несмотря на общность угрозы, с которой в той или иной степени столкнулись все россияне, начала постепенно снижаться. В то же время в качестве единой для всех угрозы, против которой происходило ментальное объединение, вирус как общий враг выступил фактором усиления «общечеловеческой», глобализационной идентичности.

Целеполагание. Как и в отношении к карьерным перспективам, наблюдается изменение мотивационных практик на уровне целеполагания. Период ограничений стал для многих периодом саморефлексии и пересмотра жизненных целей и приоритетов — зафиксировано минимальное значение показателя значимости для россиян возможности достижения поставленных целей за весь период измерений, начиная с 2005 года. Если в 2017 году он составлял 62 %, то в июне 2020 года — 49 %[38].

Соответственно, эффектом последнего года стало то, что круг «разделяющих, которые откликаются и поддерживают», стал менее значим, степень связи с ними — менее выраженной, а интенсивность и объемы основанных на доверии и в то же время приводящих к усилению взаимного доверия совместных практик существенно снизилась. Доверие к транслируемым «таким же, как я» людьми сообщениям в мире достигло одного из минимальных значений за последнее десятилетие (динамика представлена на приведенной выше диаграмме).

Мы вступаем в сложный период — период, требующий огромных усилий для выхода экономических и финансовых показателей на допандемические значения. Успешность решения этой задачи во многом будет зависеть от степени включен-

[37] Edelman Trust Barometer 2021. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2021-01/2021-edelman-trust-barometer.pdf.

[38] Данные опубликованы в аналитическом обзоре «Здоровье, семья и безопасность» 08.06.2020 на сайте ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-semya-i-bezopasnost.

ности разных групп стейкхолдеров, населения в целом в решение возникающих задач, готовности совместно двигаться вперед. Однако на фоне текущей «пандемии доверия» мобилизационный потенциал общества существенно снижен.

Американский журналист и сатирик Генри Луис Менкен писал: «Трудно поверить, что человек говорит вам правду, когда вы знаете, что на его месте вы бы солгали». То, куда, как и с какой скоростью мы будем двигаться дальше, будет зависеть не только от принимаемых на государственном уровне стратегических решений, корректности выбора приоритетов — но и от того набора ценностей, которые были сохранены (и/или утрачены) за последние десятилетия. Стресс-тест доверия переходит в новую стадию — тестирования ценностных систем. И кто займет лидирующие позиции в результате этого испытания — покажет время.

АВДЕЕВА
ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА
эксперт Института «Центр развития» НИУ ВШЭ

РОЛЬ ДОВЕРИЯ В ЭКОНОМИКЕ

Доверие в первую очередь характеризует отношения, однако не только между людьми, но также и между людьми и различными организациями — а и те, и другие, очевидно, участвуют в различных экономических процессах. В ОЭСР доверие определяется как вера человека в то, что другой человек или организация будет действовать в соответствии с его (положительными) ожиданиями[1]. Зачастую такая вера основывается на репутации, прошлом опыте взаимодействия или просто на одобрении деятельности другого. С одной стороны — на субъективном восприятии, а с другой стороны, может быть достаточно рациональной. Говоря в терминах институциональной экономики, доверие позволяет компенсировать неизбежную неполноту контрактов (невозможность договориться обо всем) и в целом отражает более низкую оценку рисков оппортунистического поведения контрагентов (то есть поведения, направленного на получение собственной выгоды в ущерб интересам других). Обоснованное доверие способно снизить трансанкционные издержки взаимодействия экономических агентов и упростить сотрудничество между ними — и на этом основывается его положительное влияние на экономику.

Из открытых источников

Поскольку доверие — это качественная характеристика, не наблюдаемая напрямую, для оценки его уровня обычно используются результаты опросов. (Хотя, строго говоря, опросы отражают скорее личную оценку степени доверия, которая может от-

[1] OECD. (2017) OECD Guidelines on Measuring Trust. Paris: OECD Publishing. 214 p. URL: https://www.oecd.org/governance/oecd-guidelines-on-measuring-trust-9789264278219-en.htm.

личаться от реального кооперативного поведения.) На практике обычно измеряется доверие населения — как в наиболее общем виде (доверие другим людям), так и отдельным группам людей или типам организаций. Различные оценки отражают общий фон доверия в стране, который, в свою очередь, влияет на среду функционирования экономических агентов, а значит, и на экономику в целом.

Говоря о России, по данным последней волны опросов World Values Survey 2017—2020 годов, большинству людей в стране доверяет всего 23% населения. Это ниже, чем средний уровень доверия в участвовавших в опросе странах (27%), и значительно ниже, чем в лидирующих по данному показателю Дании и Норвегии (свыше 70%). Более того, в 2017 году доля доверяющих другим людям в России оказалась на 5 п. п. ниже, чем в 2011 году (в предшествующую волну опросов WVS), фактически вернувшись к 23-процентному уровню середины 1990-х годов, когда обобщенное доверие в стране упало с уровня порядка 35%, наблюдавшегося в 1990 году. Некоторые исследования указывают на то, что уровень доверия в различных странах в долгосрочном периоде достаточно стабилен[2], однако переход от социализма к капитализму, вероятно, значительно повлиял на доверие в России и других постсоветских странах[3]. Судя по приведенным оценкам, наблюдавшийся ранее процесс восстановления доверия в стране в последние годы мог развернуться в обратную сторону — хотя краткосрочные колебания уровней доверия могут отражать и изменения экономической ситуации.

«

Если проанализировать динамику данных по доверию россиян, представленных в World Values Survey на начало 90-х, то видно, как обобщенное и институциональное доверие буквально «рухнуло» к 1995 году. Развал советской экономики, опыт участия в финансовых пирамидах типа МММ просто обрушили уровень доверия россиян. Что касается социального капитала вообще и доверия в частности, то среди постсоветских стран выделяются прибалтийские республики — в них уровень обобщенного доверия населения выше, чем в других постсоветских республиках, включая Россию.

Татарко
Александр Николаевич

»

[2] См.: Bjørnskov C. (2012) How Does Social Trust Affect Economic Growth? *Southern Economic Journal*. Vol. 78. No. 4, P. 1346—1368.
[3] См.: Aghion P., Algan Y., Cahuc P., Shleifer A. (2010) Regulation and Distrust. *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 125. No. 3. P. 1015—1049.

Эконометрические оценки взаимосвязи уровня ВВП и доверия обычно проводятся с использованием именно показателя обобщенного доверия другим людям; согласно им, более высокие уровни доверия соответствуют и более высоким уровням ВВП на душу населения[4]. Однако поскольку оценки доверия могут быть достаточно стабильны, подобные результаты расчетов скорее объясняют различия в уровне экономического развития между странами, а не показывают потенциальный эффект изменения доверия в рамках одной страны.

Говоря о прочих видах доверия, согласно результатам опроса Edelman Trust Barometer 2021, по уровню доверия Россия по-прежнему занимает последнее место среди 27 участвовавших в исследовании стран. Население страны не доверяет ни органам государственной власти (34 % — при среднем по участвовавшим странам уровне в 53 %), ни бизнесу (34 % — при среднем в 61 %), ни медиа (29 %), ни общественным организациям (25 %). Недоверие может быть отчасти связано с объективными факторами: недостатком прозрачности, ответственности, общей незаинтересованностью в формировании доверия. Очевидно, что такой общий фон недоверия указывает на трудности взаимодействия и взаимопонимания между различными группами людей и организаций, что неизбежно будет затруднять экономические процессы в стране.

[4] См., в частности, Algan Y., Cahuc P. (2014) Trust, Growth, and Well-Being: New Evidence and Policy Implications. In: Aghion P., Durlauf S. N. (eds.) Handbook of Economic Growth. Vol. 2. Amsterdam: Elsevier. P. 49—120.

КАЧКАЕВА
АННА ГРИГОРЬЕВНА

кандидат филологических наук, директор Центра цифровых культур и медиаграмотности, профессор Департамента медиа факультета коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ (Москва)

МЕДИА «НЕДОВЕРИТЕЛЬНЫХ» ВРЕМЕН

Феномен доверия — один из наиболее спорных и сложных феноменов в изучении общественных отношений, а в случае со стремительно меняющейся медиасферой — особенно. Это связано:

- с усложнившимися — а часто и искаженными (медиакратия) — схемами медиаполитического взаимодействия, медиатизацией всех сфер жизни;
- с трансформацией понимания — кто такой лояльный или, напротив, недоверчивый (критически настроенный) потребитель информации;
- с трактовкой того, как скепсис, например к государственным/федеральным медиа, и доверие к негосударственным связаны с принятием важных решений (от голосования за поправки к Конституции до вакцинации от коронавируса);
- с вопросами «веры»/рационального доверия медиапотребителей разного возраста и социального статуса, удовлетворенных или неудовлетворенных актуальной медийной повесткой.

На фоне неуклонно снижающегося доверия к телевидению в целом[1] большинство публики, и прежде всего старшее поколение (55+), по-прежнему доверяет федеральным телеканалам, тогда как «молодые взрослые» менее зависимы от телевидения, толерантнее к чужим точкам зрения, активнее в социальных сетях[2].

Доверие как стратегия сокращения сложности, инструмент решения проблем[3], рациональный выбор в условиях радикальных социальных изменений, смягчающий ощущение непредсказуемости[4], «защитный кокон» в коммуникациях с окружающим миром, механизм стабилизации в обществе возрастающей неопределенно-

[1] Уровень доверия россиян к телевидению как к источнику информации в 2020 году снизился на 5 п. п. и достиг 23 %, что является самым низким показателем с 2016 года. См.: Медиапотребление в России — 2020 // Deloitte. Октябрь 2020. URL: https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/media-consumption-in-russia.html.

[2] См., например: Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019.

[3] Luhmann N. (1979) Trust and Power. N.Y.: J. Wiley.

[4] Sztompka P. (1999) Trust: a Sociological Theory. Cambridge.

сти[5], должно — в идеале — помогать взаимодействию и стабилизации социальных коммуникаций. Еще на предыдущем, «аналоговом» этапе развития медиасистем *уровень доверия к СМИ как социальному институту и к журналистике как сфере деятельности был важным индикатором благополучия в обществе. И умение сомневаться в информации медиа, готовность критически отнестись к любому медиасообщению свидетельствовали об определенной зрелости социума, развитии критического мышления граждан*. То есть парадокс заключается в том, что рациональное доверие предполагает скепсис по отношению к медиаконтенту и выработку «критической автономии». Так, пролонгированное, охватывающее несколько лет исследование уровня медиаграмотности российских студентов, в котором медийные компетенции оценивались до и после прохождения курса по медиаграмотности у бакалавров НИУ ВШЭ, показало, что доверие к новостям сильно зависит от степени осведомленности человека о механизмах конструирования новостного контента в современных медиа, представлений о функционировании медиасистем и от уровня медиаграмотности личности в целом. Также была выявлена статистически значимая связь в распределении студентов до и после курса по степени критической оценки информации из разных источников; после изучения курса новостной грамотности почти не осталось студентов, доверяющих новостям безоговорочно (такой показатель снизился с 20 % до 2 %)[6][7].

Из открытых источников

Принципиально важным в этой связи становится и постоянно меняющееся соотношение доверия и недоверия к институциализированным и деинституциализированным (как правило, персональные медиа вне классических институтов и профессиональных учреждений) медиа, которое, в свою очередь, связанно с глобальным переходом мира физического в мир цифровых сетевых коммуникаций. Деинституциализированные медиа (гражданские, пользовательские, персональные «я-медиа»), возникнув в открытой цифровой среде интернета, в силу своей природы обладали большей степенью свободы, чем институциализированные. Сегодня и их свобода достаточно условна. Деинституциализированные медиа начинают формализоваться, институциализироваться, становясь привлекательным инстру-

[5] Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011; Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002.

[6] Kachkaeva A., Kolchina A., Shomova S., Yarovaya E. (2020) "Trust, but Verify": Problems of Formation of Media Literacy and Critical Thinking of Russian Students. *Media Practice and Education*. Vol. 3. No. 21. P. 200—211.

[7] Основным методом исследования стало анкетирование 166 студентов как профильных (медиа), так и непрофильных специальностей, включающее вопросы и открытого, и закрытого типа, а также практические задания. Сравнительный анализ данных, полученных до и после изучения курса, и обработка анкет потребовали математических методов работы; на основе полученных данных была проведена оценка статистически значимых изменений в ходе прочитанного курса. Основным статистическим подходом стал анализ таблиц сопряженности с использованием критерия χ^2 Пирсона или точного двустороннего критерия Фишера для таблиц сопряженности 2×2. Уровень значимости для проверяемых статистических гипотез принимался равным 0,05.

ментом влияния и контроля для доминирующих институций. Причем таковыми они становятся как для государственных и корпоративных (возможность мгновенного распространения и оперативных реакций; анонимное воздействие, например в Telegram; возможность выявления «несогласных»; «разжигание» сетевых дискуссий с помощью интернет-троллей и др.), так и для множества других сетевых акторов, производящих и распространяющих, с умыслом или без, разнообразную информацию — достоверную, проверенную, и недостоверную, фейковую.

Цифровые платформы, которые поначалу мыслились альтернативой монопольному распространению информации через контролируемые государством или корпорациями каналы, перестали быть технологически нейтральными. *При «надзорном капитализме» и «диктатуре алгоритмов» доверие скорее навязывается, чем остается рациональным выбором*. Именно потому, что платформы социальных сетей неизбежно становятся для редакций важнейшим средством распространения контента среди своей аудитории, институциональные СМИ постепенно теряют контроль над распространением информации, уравниваясь в правах либо с тиктокером-миллионером, либо проигрывая особому, неформальному «я-медиа», репрезентирующему себя как журналистское («ВДудь», «Редакция» и другие). И у всего разнообразия этих медиа возникает экономическая необходимость оптимизировать свой контент в соответствии с логикой платформы. Однако непрозрачный и основанный не на журналистских стандартах работы с информацией (требующих качества источников, фактчекинга и пр.) характер алгоритмов платформы, помещающий профессиональный контент в информационный хаос творчества миллионов «освобожденных авторов», которые пытаются заработать, почти не позволяет редакциям и производителям новостей и документалистики быть уверенными в том, какой именно тип контента предпочтителен. Таким образом, можно сказать, что недоверие алгоритмам — очередной этап установления «критической автономии» по отношению к медиа.

И, наконец, последнее. Недаром исследователи политических дискурсов[8] высказывают идеи о том, что *само нынешнее общество, переселившись в сети и мессенджеры, не особенно располагает к свободе высказываний*: не случайно в нашей реальности появились такие феномены, как наказания за посты и репосты (государство), ограниченный доступ, блокировка, «цифровое забвение» (технокорпорации); травля, агрессия, троллинг (сообщества, группы, которые «не принято» критиковать). Можно констатировать, что в последнее десятилетие мы наблюдали, как зарождалась проблема недоверия, вылившаяся к 20-м годам XXI века в кризис доверия как к институциональным, так и к деинституциональным медиа.

[8] См., например, Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке икоммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

ЗАВАДСКАЯ МАРГАРИТА АНДРЕЕВНА

научный сотрудник факультета политических наук Европейского университета в Санкт-Петербурге и Александровского института Университета Хельсинки

СОКОЛОВ БОРИС ОЛЕГОВИЧ

старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОВИД-СКЕПТИКОВ В РОССИИ

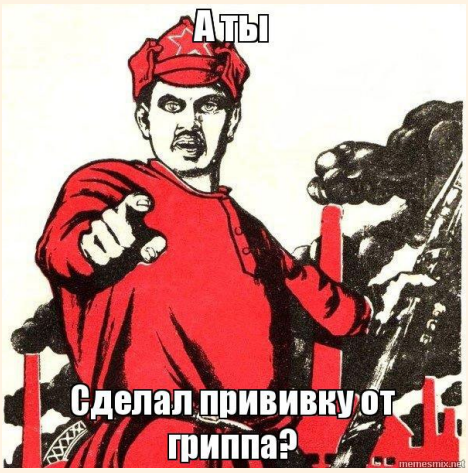
С момента появления первых новостей о новой болезни, вызываемой SARS-COV-2, неизвестным дотоле науке представителем семейства коронавирусов, развитие пандемии сопровождали многочисленные слухи и даже полноценные теории заговора[1]. Например, стали широко известными такие антинаучные сюжеты[2], как распространение вируса через вышки 5G-связи или «коварный план» Билла Гейтса по сокращению численности населения и массовому «чипированию» через вакцинацию. Во многом этому способствовали недостаток информации о заболевании и неизбежная противоречивость поступающих научных данных. Однако даже давно известные и хорошо изученные заболевания часто окружает шлейф слухов и недоверия. Достаточно вспомнить широко распространенный в России феномен вич-диссидентства[3].

Так или иначе, подобные теории представляют прямую и явную угрозу общественному благополучию. Политики и высокопоставленные чиновники, не верящие в существование вируса или недооценивающие его опасность, могут препятство-

[1] См.: Конспирологические теории о пандемии COVID-19 // Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Конспирологические_теории_о_пандемии_COVID-19.

[2] См.: Сорока А. 5G, вакцины и «цифровое порабощение»: коронавирус новый, а теории заговора старые // BBC News. 11.04.2020. URL: https://www.bbc.com/russian/features-52256074.

[3] См.: Социолог Петр Мейлахс — о том, как становятся СПИД-диссидентами Почему растет число людей, которые отрицают существование ВИЧ // The Village. 05.10.2016. URL: https://www.the-village.ru/people/city-news/246839-aids-denialism.



Из открытых источников

вать своевременному введению мер по борьбе с заболеванием или продвигать неадекватные варианты реагирования на ситуацию. Ковид-скептики среди простых граждан, в свою очередь, в меньшей степени склонны соблюдать элементарные меры предосторожности[4], вроде ношения масок или социального дистанцирования, с большей вероятностью отказываются от вакцинирования и тем самым ставят под угрозу собственное и чужое здоровье.

Проблема ковид-скептицизма и, шире, разнообразных теорий заговора, связанных с пандемией, актуальна и для России. Так, исследование группы «Мониторинг актуального фольклора»[5] зафиксировало за 2020 год в российских социальных сетях почти два миллиона (1 951 143) репостов слухов, псевдомедицинских советов, конспирологических трактовок новостей и панических предупреждений о так и не случившихся событиях. И это только то, что лежит на поверхности, то есть находится в открытом доступе (методика подсчета исключает приватную переписку). В июльском опросе ФОМ только 12 % респондентов ответили прямо, что считают коронавирус выдумкой, однако наличие ковид-диссидентов в своем окружении отметили 44 %[6]. Согласно данным ВЦИОМ, весной 17 % населения страны считали, что основной причиной распространения вируса стала халатность или безответственность, а 11 % назвали искусственное происхождение вируса[7]. При этом вопрос был открытым; по мнению главы исследовательской организации В. Федорова, наличие подсказки могло бы увеличить число сторонников теории искусственного происхождения. Даже среди студентов ведущих университетов страны, которые вроде бы должны в большей степени владеть навыками критического мышления по сравнению со среднестатистическими гражданами, доля склонных верить слухам о коронавирусе, по некоторым оценкам[8], может превышать 15 %.

[4] См.: Макушева М. О., Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427—447. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770.

[5] Архипова А. С., Радченко Д. А., Козлова И. В., Пейгин Б. С., Гаврилова М. В., Петров Н. В. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 231—265. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.177.

[6] «Не верю!» — социологический портрет ковид-диссидента // к-ФОМ. 24.07.2020. URL: https://covid19.fom.ru/post/ne-veryu-sociologicheskij-portret-kovid-dissidenta.

[7] Глава ВЦИОМ объяснил популярность версии искусственного происхождения коронавируса // ТАСС. 18.05.2020. URL: https://tass.ru/obschestvo/8503159.

[8] Климова А. М., Чмель К. Ш., Савин Н. Ю. Верю-не-верю: общественное мнение и слухи о происхождении нового коронавируса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 266—283. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1752.

Хотя по мере развития пандемии и увеличения числа людей, непосредственно столкнувшихся с болезнью, скептиков должно становиться меньше, опросы «Левада-центра» показывают, что даже в конце декабря 2020 года 41 % населения России не боялся заразиться новым вирусом[9]. Чуть ранее, в начале ноября, только 57 % респондентов сказали, что стараются соблюдать социальную дистанцию; иные меры по снижению риска заражения (воздержание от посещения общественных мест и т. д.) и вовсе практиковали менее половины опрошенных[10]. Единственная по-настоящему принятая массами эпидемиологическая мера в России — ношение медицинской маски (практиковали 92 % опрошенных). Мониторинг ВЦИОМ в октябре показывал более оптимистичные данные по принятию гражданами конкретных мер, но ситуацию они кардинально не меняли[11].

Конечно, в конце года уровень ковид-скептицизма в стране все же был ниже, чем в начале пандемии (хотя октябрьский опрос ФОМ давал доли корона-отрицателей, не сильно отличающиеся от процитированных выше июльских[12]). Однако фокус массового недоверия мог постепенно сместиться с самого заболевания на действующие или планируемые правительственные меры по борьбе с ним, например вакцинирование. Не далее как в декабре ведущие социологические организации России отмечали, что более половины россиян с недоверием относятся к разрабатываемым в стране вакцинам и прививаться не планируют: согласно ВЦИОМ, таких было 52 % (70 % — среди молодежи в возрасте 25—34 лет)[13], а согласно «Левада-центру» — 58 % (причем эта доля даже выросла по сравнению с 54 % в августе, что выглядит парадоксально в контексте наступления второй волны и общего усугубления ситуации с числом заболевших и погибших)[14].

Можно констатировать, что в российском обществе существует довольно значительная прослойка людей, с разной степенью сомнения относящихся к коронавирусу. Кто эти люди? Что отличает их от тех, кто относится к пандемии всерьез? Обуславливается ли склонность к конспирологическому мышлению конкретными социально-демографическими характеристиками? Или бóльшую роль играют личностные особенности?

[9] Коронавирус: страхи и вакцина // Левада-центр. 18.12.2020. URL: https://www.levada.ru/2020/12/28/koronavirus-strahi-i-vaktsina.
[10] Коронавирус: страхи и меры // Левада-центр. 02.11.2020. URL: https://www.levada.ru/2020/11/02/koronavirus-strahi-i-mery.
[11] См. Кочкина Е. В. Самосохранительное поведение в период пандемии // СоциоДиггер. 2020. Т. 1. Вып. 4. С. 24.
[12] Как меняется восприятие опасности коронавируса в период второй волны // к-ФОМ. 14.11.2020. URL: https://covid19.fom.ru/post/kak-menyaetsya-vospriyatie-opasnosti-koronavirusa-v-period-vtoroj-volny?salt=uYNwUfv8Cm1ztL7TovtULXhvxjQ82AvD&fbclid=IwAR3gZSfaV9dV3yCIlfhoFyjmB-qCMMQz3joXvW7RkgEuHfLRDrpf1dzvmO4.
[13] Вакцинация: ключ на старт! // ВЦИОМ. 23.12.2020. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vakcinacija-kljuch-na-start.
[14] Коронавирус: страхи и вакцина // Левада-центр. 18.12.2020. URL: https://www.levada.ru/2020/12/28/koronavirus-strahi-i-vaktsina.

Частично ответы на эти вопросы позволяет получить анализ результатов первой волны международного сравнительного проекта «Ценности во время кризиса» (англ. Values in Crisis; в России коллаборацию ученых из 11 стран и территорий из разных регионов мира — от Соединенного королевства до Японии — представляет Лаборатория сравнительных социальных исследований Высшей школы экономики). В рамках этого исследования во второй декаде июня 2020 года были опрошены 1527 граждан РФ в возрасте старше 18 лет. Использовалась онлайн-панель с квотами по возрасту и полу. Склонность респондентов к ковид-скептицизму измерялась с помощью следующего вопроса:

> «В социальных сетях можно найти множество историй, в которых говорится о том, что пандемия коронавируса является мистификацией и что введение ограничительных мер — это чрезмерная реакция. Согласны ли Вы с данными историями?»

38 % респондентов — более трети! — ответили на него положительно. Это больше, чем в любой другой стране из числа участвующих в проекте «Ценности в период кризиса». И если в Грузии соответствующая доля представляется сравнимой — 36,3 %, — то в остальных странах она не превышает 18 %, а в Швеции ковид-скептиков оказалось всего 1,9 %[15].

Средний возраст представителей данной группы (44,9 года) чуть меньше среднего возраста людей, воспринимающих пандемию всерьез (46,2 года). Впрочем, если посмотреть на возрастные различия подробнее, то оказывается, что скептиков меньше среди молодежи и пожилых людей, но больше — среди лиц 25—60 лет, составляющих основную массу трудоспособного населения страны и в наибольшей степени пострадавших от вводимых эпидемиологических и экономических ограничений. Различия по полу также присутствуют, хотя и небольшие: скептически к ситуации относятся 40,7 % мужчин и 35,7 % женщин. Вполне предсказуемо скептиков оказалось меньше среди людей с высшим образованием, но и в этой группе их примерно треть (33,1 % — против 41,5 % среди респондентов с неполным средним образованием и 41,1 % среди тех, кто окончил одиннадцать классов или профтехучилища). Размер населенного пункта, в котором проживает респондент, или его географическое положение практически не связаны со склонностью к ковид-скептицизму. Выделяется только Санкт-Петербург, где в серьезность ситуации не верят менее четверти населения (23,3 %; в Москве — 38 %). По другим социально-демографическим характеристикам, таким как доход, размер домохозяйства, наличие детей или семейное положение, ковид-скептики от остального населения страны в целом не отличаются.

[15] См.: Завадская М. COVID-19 и общественные настроения россиян в 2020 году // Riddle. 10.02.2021. URL: https://www.ridl.io/ru/covid-19-i-obshhestvennye-nastroenija-rossijan-v-2020-godu/.

Опыт непосредственного столкновения с болезнью снижает недоверие, но даже среди тех, кто переболел сам или имел переболевших родственников (таковых набралось 12,9%), скептиков было 31,1% (против 39,0% среди тех, чьи семьи болезнь к июню не коснулась). А вот столкновение с экономическими последствиями пандемии, судя по всему, имеет обратный эффект: среди тех, кто потерял работу, перешел на неполный рабочий день или вынужден был закрыть свой бизнес, доля ковид-скептиков почти на 9 п. п. выше, чем среди тех, кто в финансовом плане пострадал не так сильно (44,9% против 36,1%).

Ковид-скептики также не склонны считать, что другие жители России ведут себя неправильно во время пандемии, и в целом меньше опасаются заболеть. При этом они реже испытывают солидарность с согражданами, чем те, кто воспринимает пандемию серьезно; менее оптимистично оценивают общие последствия пандемии для страны, а также меньше доверяют традиционным медиа (телевидение и газеты) в противопоставлении с информацией из социальных сетей. Так, доля ковид-скептиков среди тех, кто полностью согласен с утверждением «Социальные медиа более достоверны, чем традиционные», равняется 54%, а среди тех, кто полностью согласен с утверждением «Традиционные медиа более достоверны, чем социальные», — всего 19% (отличие в 3,5 раза!). Эти наблюдения заставляют предположить, что ковид-скепсис может выступать функцией общего недоверия официальным каналам распространения информации и институтам в целом.

Что касается фундаментальных личностных характеристик, то не удалось обнаружить никаких различий между скептиками и всеми остальными по пяти чертам, выделяемым в рамках одной из самых популярных теоретических моделей личности в современной психологии, известной как «Большая пятерка»[16]. Средние значения по шкалам доброжелательности, добросовестности, невротизма, открытости опыту и экстраверсии для обеих групп респондентов практически не различаются. Однако по ценностям Шварца[17] наблюдаются интересные различия: ковид-скептики в среднем имеют более низкие значения по шкалам конформности и безопасности (принадлежащим к ценностному измерению более высокого порядка «ценности сохранения») и более высокие — по шкалам самостоятельности, стимуляции и гедонизма (которые объединяются в ценностное измерение «открытость изменениям»). Эти наблюдения позволяют предположить, что в плане своих личностных характеристик ковид-скептики отличаются от основной массы российского населения тем, что для них в меньшей степени важен

[16] См.: Большая пятерка (психология) // Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Большая_пятёрка_(психология).

[17] См.: Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43—70. URL: https://psy-journal.hse.ru/data/2013/10/30/1283379255/Schwartz_et_al_9-02pp43-70.pdf.

сложившийся статус-кво, но зато они в большей степени открыты новому опыту и не боятся неопределенности, которая сопровождает любые трансформации. Подобные установки могут подпитывать недоверие к существующему порядку, а также к политическим и социальным институтам, в том числе к официальной политике в области борьбы с пандемией.

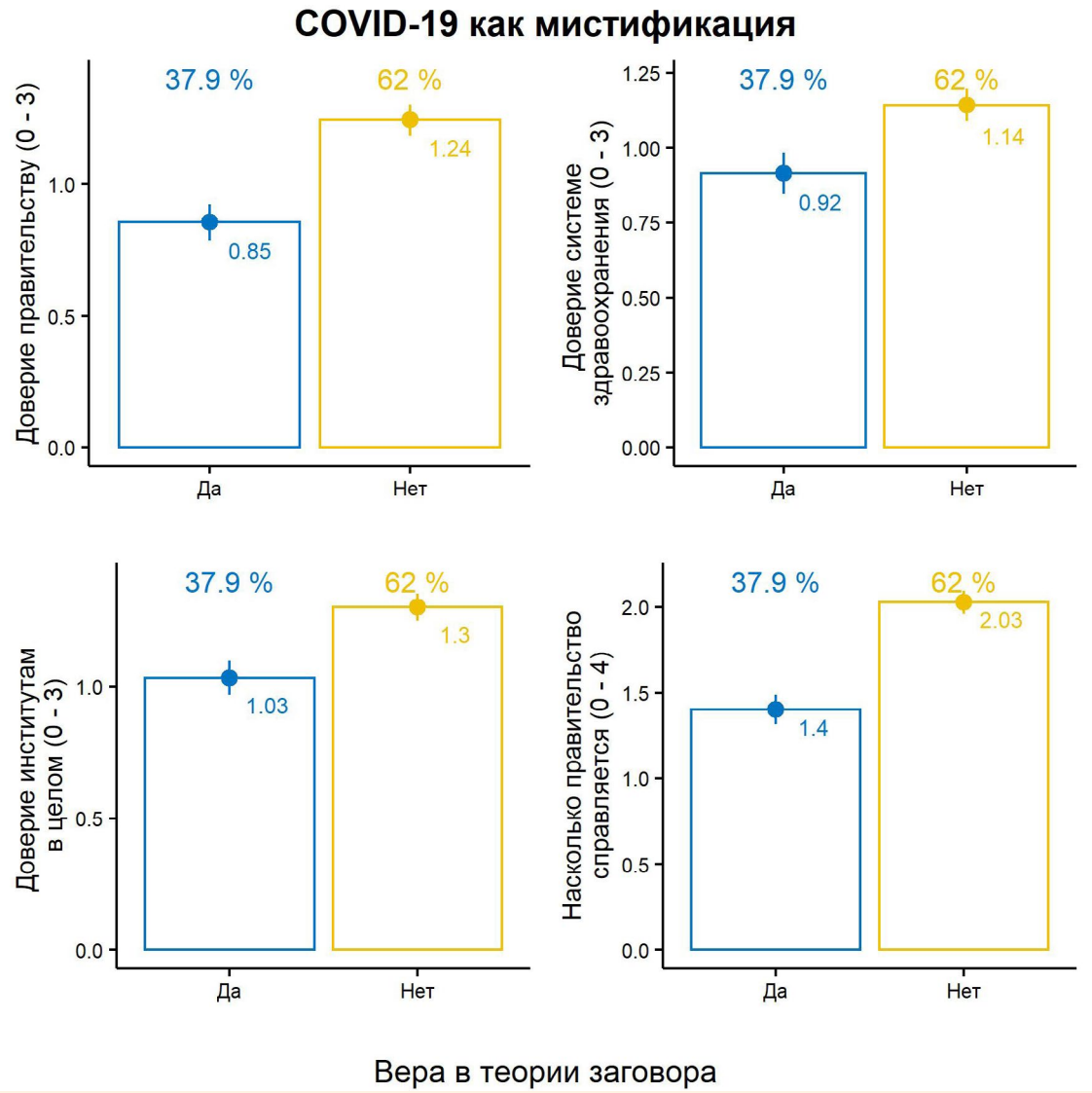
В плане религиозности (таких ее атрибутов, как важность религии для респондента, субъективная оценка собственной религиозности и частота посещений церкви) особых различий между скептиками и всеми остальными не наблюдается. Данный результат представляется любопытным в свете того, что весной РПЦ и активные верующие были последовательными оппонентами вводимых властями ограничительных мер, а некоторые радикалы — наподобие иеромонаха о. Сергия — даже выступали с открытой критикой Владимира Путина на почве антиковидных настроений.

Среди ковид-скептиков несколько ниже оказался уровень гордости за страну. Говоря о политических приоритетах, скептики относятся к глобализации и кооперации с другими странами хуже, чем остальное население. Они также придерживаются более ограничительных взглядов по вопросам миграции в страну. Таким образом, вырисовывается портрет более сконцентрированной на себе и локальных вопросах группы, которая не любит чужаков, но в то же время и в меньшей степени довольна своей страной. Это атомизированные, в большей степени изолированные от общества индивиды. В пользу этого свидетельствует и статистически значимая — хотя и небольшая (0,07 по шкале от 1 до 4—2,3 % от общего размаха) — разница в уровне межличностного доверия («Насколько вы доверяете людям, с которыми вы лично знакомы?»), которое у ковид-диссидентов ниже, чем у остального населения. Впрочем, значимых различий в средних значениях уровня деперсонифицированного доверия «Насколько вы доверяете людям, с которыми вы впервые встретились?» между двумя группами не просматривается. В целом низкий уровень доверия свойственен обеим группам. Любопытно, что по уровню удовлетворенности жизнью скептики и нескептики также похожи (впрочем, этот показатель в России и так традиционно один из самых низких в Европе и даже в мире).

Что действительно отличает ковид-скептиков, так это существенно более низкие уровни политического доверия и оценка деятельности правительства по противостоянию пандемии. В анкету были включены вопросы о том, насколько респонденты доверяют правительству, системе здравоохранения и политическим институтам страны в целом. Среди сомневающихся в опасности коронавируса средний уровень доверия правительству составляет всего 0,85 по шкале от 0 до 3 (рис. 1). Для остальных респондентов аналогичный показатель — 1,24. В абсолютных значениях это не так уж много, но все же значительно выше, чем среди «диссидентов»

(разница составляет 13 % от размаха шкалы). Значительные различия между двумя группами наблюдаются и в плане доверия системе здравоохранения (0,92 среди COVID-скептиков против 1,14 среди всех остальных — 7,3 % от размаха шкалы) и институтам в стране в целом (1,03 против 1,3—9 % от размаха шкалы), и в плане оценки деятельности правительства по борьбе с эпидемией (1,4 против 2,03 по шкале от 0 до 4—15,8 % от размаха шкалы). Более того, ковид-диссидентство сильнее связано с отношением к властям, чем с опытом столкновения с болезнью или негативными экономическими последствиями пандемии.

Рис. 1. Ковид-скептицизм и доверие различным институтам[18]



Примечание. На данных графиках представлены средние значения (точки и верхние стороны прямоугольных столбиков) различных показателей доверия и оценки деятельности правительства и соответствующие им 95 % доверительные интервалы для ковид-скептиков и остального населения РФ. Проценты над столбиками показывают доли респондентов в каждой группе.

[18] Источник данных: опрос «Ценности во время кризиса» ЛССИ НИУ ВШЭ. *N* = 1,527.

Подводя итоги, мы приходим к выводу, что именно недоверие — причем не столько другим людям, сколько нынешнему социально-политическому порядку и государству, — наиболее характерный маркер российских ковид-скептиков. Конечно, последние отличаются от остальных граждан России и по таким «объективным» характеристикам, как пол, возраст, образование и место жительства, но эти различия (за исключением, пожалуй, образования) не очень велики и обусловлены скорее большим размером выборки (который увеличивает статистическую мощность тестов на различия средних или пропорций между группами), нежели фундаментальной социально-демографической непохожестью «скептиков». Более того, представляется, что это недоверие во многом обусловлено базовыми ценностями людей (меньшей важностью традиций и большей открытостью изменениям). Вопрос в том, является ли оно глубинной личностной характеристикой либо хотя бы до определенной степени реактивно[19], то есть отражает жизненный опыт индивидов, в том числе какие-то прежние негативные взаимодействия с государством. В последнем случае остается надежда на то, что ответственная эпидемиологическая политика государства и ее грамотное медийное сопровождение могут способствовать снижению доли ковид-скептиков среди наших соотечественников, что, в свою очередь, повысит эффективность борьбы с коронавирусом и в конечном счете предотвратит как лишние смерти, так и экономические издержки, сопряженные с пандемией.

Из открытых источников

[19] См.: Макушева М. О., Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427—447. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770.

КОСМАРСКИЙ
АРТЁМ АНАТОЛЬЕВИЧ

старший научный сотрудник Центра прикладных и полевых исследований Института исследований культуры НИУ ВШЭ; зам. руководителя Лаборатории исследований блокчейна в образовании и науке Государственного академического университета гуманитарных наук

КИТАЙСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ РЕЙТИНГ: ТЕХНОЛОГИЯ ДОВЕРИЯ ДЛЯ НОВОГО ОБЩЕСТВА МОДЕРНА

В Китайской народной республике (КНР) с 2014 года постепенно внедряется система социального рейтинга (社會信用體系, *шэсюй синьюн тиси*), позволяющая оценивать индивидов и организации по различным параметрам, на основе сбора и анализа больших данных. В мире эта система вызывает большой интерес и резонанс, и резонно рассматривается как одна из самых перспективных социальных технологий будущего — не только китайского. В этой статье я попытаюсь отойти от антиутопических и алармистских упрощений в трактовке системы социального рейтинга (ССР) и постараюсь описать его сложность, некоторые принципы работы, проблемы и, главное, поместить в контекст макроистории модерна.

Из открытых источников

Важно подчеркнуть, что китайский социальный рейтинг воспринимается за пределами страны как нечто тотальное, даже тоталитарное — как монолитная система государственного надзора и контроля. Подобного рода образы доминируют не только в фильмах, музыкальных клипах (например, клип Red River группы SALEM) или популярных СМИ (отсылки к «Большому брату» и «Черному зеркалу» — обычное дело), но и в выступлениях высокопоставленных государственных деятелей. Так, в 2018 году вице-президент США Майк Пенс прямо назвал ССР «оруэлловской системой, предполагающие контроль буквально всех сфер жизни человека»[1]. Однако скорее здесь мы имеем дело не с пониманием новой реальности, а с ориенталистским фантазмом, то есть проекцией Западом на (опасного) Другого собственных страхов. Множество научных исследований аккуратно разоблачают мифы об ССР, особенно о его тотальном характере[2].

Китайский социальный рейтинг — это прежде всего незавершенный проект, множество разнообразных программ, действующих в разном темпе в разных городах и провинциях, в разных сферах экономики, общества и права. По факту реализация ССР все еще гораздо более фрагментарна и мягка, чем ее замысел. Более того, сами власти приняли точку зрения наблюдателей за экспериментами — посмотрим, что из этого получится, какая модель окажется удачнее[3].

Однако финальная цель всего проекта была прописана вполне однозначно — **создание общества доверия**. По словам одного исследователя, «проект ССР лучше всего обозначить как ассамбляж — ансамбль дискурсов, регуляторных норм, стратегий развития, действующих на национальном и локальном уровне программ, целью которых является управление социальной и экономической жизнью через проблематизацию, оценку и использование добросовестности (trustworthiness, *синьюн*) граждан, фирм и государственных организаций. Конечная цель этого проекта — решение постоянно растущего списка актуальных для государства проблем, таких как мошенничество со стороны бизнесменов, коррупция, выполнение корпорациями законодательных требований (комплаенса), безопасность пищевых продуктов, соблюдение норм профессиональной этики и в целом то, что считается „цивилизованным поведением“»[4].

И в этом множестве проектов столь пугающие наблюдателей с Запада системы рейтингования индивидов (физических лиц) редки, экспериментальны и, главное,

[1] Wen W. (2019) China's "Social Credit" System: An Orwellian Society in The Future? URL: https://theowp.org/chinas-social-credit-system-an-orwellian-society-in-the-future/.
[2] См., например: Daum J. (2017) China Through a Glass, Darkly: What Foreign Media Misses in China's Social Credit. *China Law Translate*. December 24. URL: https://www.chinalawtranslate.com/en/china-social-credit-score/.
[3] Xiaodong D., Dale Yu. Zh. (2020) Rethinking China's Social Credit System: A Long Road to Establishing Trust in Chinese Society. *Journal of Contemporary China*. P. 14. https://www.doi.org/10.1080/10670564.2020.1852738.
[4] Chenchen Zh. (2020) Governing (Through) Trustworthiness: Technologies of Power and Subjectification in China's Social Credit System. *Critical Asian Studies*. P. 3. https://www.doi.org/10.1080/14672715.2020.1822194.

добровольны. Кроме того, в них чаще используются поощрения, чем штрафы. В 2019 году Государственный комитет по делам развития и реформ КНР (китайский Госплан) специально обозначил, что личный социальный рейтинг должен быть основой только бонусов, а не наказаний, и его индикаторы не должны ограничивать права граждан и их возможности пользоваться государственными услугами[5]. Адекватнее всего личные рейтинги можно сравнить с программами лояльности, только реализуемыми не частными фирмами, а государственными и муниципальными структурами (и доступ к ним можно получить, скачав соответствующее приложение). В городе Сямынь (Амой) рейтингуется около 5% населения города, в Вэйхае — всего несколько тысяч человек[6].

Напротив, самый разработанный и широко применяющийся механизм ССР — черные и красные списки компаний (насколько они соблюдают налоговое, трудовое и другие законодательства). За попадание в черный список следуют санкции: ограничения на получение лицензий и разрешений, доступа к государственным закупкам, к инфраструктурным проектам государства, к выходу на IPO/ICO. Кроме того, немаловажный компонент рейтинга государственных и частных организаций — активное применение независимого (со стороны третьих лиц) аудита качества их работы. Вот характерный пример[7]: в крупных городах уровень загрязнения окружающей среды очень высокий, управу на частные заводы и фабрики найти сложно, и тогда на помощь приходят независимые датчики выбросов и мониторинг состояния среды в реальном времени. Информация с датчиков собирается, после чего автоматически снижается социальный рейтинг виновных предприятий.

Исторически проект ССР родился именно в связи с развитием рыночных реформ в Китае, с отходом от плановой экономики XX века. Возникла необходимость снижать риски, повышать уровень доверия, обеспечивать соблюдение регуляторных норм множеством независимых организаций. Рыночная экономика, полагают китайцы, — это экономика, основанная на доверии/репутации. Особенно важным стимулом для внедрения ССР стали массовое производство контрафактных товаров, коммерческие махинации, некачественные продукты. Как пишет Чжай Сюэвэй, если традиционное общество опиралось на локальные связи и сети репутации, маоистская плановая экономика — на учет и контроль в трудовых коллективах, то современная рыночная

[5] Beijing News (2019) "发改委：个人信用分禁用于惩戒不得限制低分者法定权利" [NDRC: Personal Credit Scores Cannot be Used for Sanctions or Limiting Statutory Rights of Individuals]. July 18. URL: http://www.bjnews.com.cn/news/2019/07/18/605095.html.

[6] Lewis D. (2019) All Carrots and No Sticks: A Case Study on Social Credit Scores in Xiamen and Fuzhou. *Digital Asia Hub.* October 11. URL: https://www.digitalasiahub.org/2019/10/11/all-carrots-and-no-sticks-a-case-study-on-social-credit-scores-in-xiamen-andfuzhou/; Chenchen Zh. (2020) Governing (Through) Trustworthiness: Technologies of Power and Subjectification in China's Social Credit System. *Critical Asian Studies*. P. 16. https://www.doi.org/10.1080/14672715.2020.1822194.

[7] Aho B., Duffield R. (2020) Beyond Surveillance Capitalism: Privacy, Regulation and Big Data in Europe and China. *Economy and Society*. Vol. 49. No. 2. P. 11. https://www.doi.org/10.1080/03085147.2019.1690275.

экономика — на личный интерес индивидов[8]. Именно поэтому назрела необходимость в **объективной системе репутации** (на основе IT), чтобы все понимали, кто их контрагент, будь это учреждение или физическое лицо.

Второй важный драйвер ССР — повышение эффективности государственного управления. И применение рейтингов в этом ключе завязано на так называемую идеологию датаизма[9]: чем больше цифр, чем больше накопленных данных, тем проще будет принимать более правильные решения. Цитаты из интервью исследователя Чэньчэнь Чжан подтверждают святую веру чиновников в объективность цифры[10]. Фактически речь идет о множестве процедур трансляции (в терминах Б Латура и М. Каллона[11]) и квантификации, когда разрозненные данные о сдаче крови, экзаменов, нарушений ПДД, волонтерства собираются в единый рейтинг, который потом транслируется на уровень страны. Единицами управления становятся юниты данных, отделенные от сложной сети социальных связей и локальных отношений власти. И здесь, парадоксально, ССР оказывается не технологией XXI века, а реинкарнацией советского идеализма Госплана 1960-х годов, эры первых ЭВМ: как пишет исследователь из Китая, количественные данные отражают истинное положение дел в обществе, и научная их обработка и использование не просто оптимизируют управление обществом и экономикой, но и позволят решить социальные проблемы технологическими инструментами[12].

Иными словами, в ССР соединяется несколько больших «потоков» исходно западного проекта модерна — процесса цивилизации[13], «правильного» гражданства, соблюдения контрактных обязательств, прозрачности и цифровых данных как ключа к улучшению общества[14]. Конечно, эта многослойность и разнообразие проектов «внутри» системы социального рейтинга не могут не приводить к противоречивости: если говорить в терминах Мишеля Фуко, в ССР сочетаются правительность/биовласть (прозрачность, квантификация, снижение издержек, повышение комплаенса) и дисциплинарно-пасторальная власть (изменение поведения индивидов к лучшему, моральное благосостояние региона и города —

[8] Zhai Xu. (2019) 从社会流动看中国信任结构的变迁 [Эволюция структур доверия в Китае в перспективе социальной мобильности]. *Exploration and Free Views*. No. 6. P. 20—23.
[9] Van Dijck J. (2014) Datafication, Dataism, and Dataveillance: Big Data Between Scientific. Paradigm and Ideology. Surveillance & Society. Vol. 12. No. 2. P. 197—208; Lohr S. (2015) Data-ism: The Revolution Transforming Decision Making, Consumer Behavior, and Almost Everything Else. New York, NY: Harper Business.
[10] Chenchen Zh. (2020) Governing (Through) Trustworthiness: Technologies of Power and Subjectification in China's Social Credit System. *Critical Asian Studies*. https://www.doi.org/10.1080/14672715.2020.1822194.
[11] Callon M., Latour B. (1981) Unscrewing the Big Leviathan: How Actors Macro-structure Reality and How Sociologists Help Them To Do So. In: Knorr-Cetina K., Cicourel A. V. (eds.) *Advances in Social Theory and Methodology: Towards an Integration of Micro- and Macro-Sociologies*. Boston: Routledge & Kegan Paul. P. 277—303.
[12] Chenchen Zh. (2020) Governing (Through) Trustworthiness: Technologies of Power and Subjectification in China's Social Credit System. *Critical Asian Studies*. P. 13. https://www.doi.org/10.1080/14672715.2020.1822194.
[13] Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб., 2001.
[14] Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005.

последнее было характерно и для античной Европы, и для дореволюционного Китая). В социальном рейтинге «прорастают» и традиционные китайские ценности: так, в 2016 году власти Шанхая предложили внести в список индикаторов социального рейтинга сыновнюю почтительность (*сяо*, одно из ключевых понятий конфуцианской этики) — измерять *сяо* предполагалось, например, по тому, как часто индивид навещает родителей и насколько хорошо те питаются[15].

Конечно, у китайской системы социального рейтинга есть свои — традиционные, национальные — корни. Но не в меньшей, а то и в большей степени она представляет собой одно из проявлений глобального перехода от экспертных, моноцентричных, персоналистских моделей управления[16] к алгоритмическому, или информационному управлению, где большие данные и алгоритмы определяют и классификацию субъектов общественной жизни[17].

Из открытых источников

Также нельзя не заметить структурного сходства и даже общих истоков — у китайской ССР, с одной стороны, и систем кредитного скоринга, возникших в США в XIX—XX веках, а также многочисленных потребительских рейтингов в платформенных приложениях по типу Airbnb и Яндекс.Такси — с другой[18]. Более того, некоторые исследователи утверждают[19], что китайская система, с ее государственным контролем лучше, так как избавлена от недостатков «субъективных» рейтингов, где капризные, разгневанные или даже фейковые пользователи способны уничтожить репутацию фирмы.

Однако все вышесказанное не означает, что китайский социальный рейтинг — идеальная система, лишенная проблем и на ура принимающаяся населением. Многие черты его концепции и реализации вызывают у людей страх и критику. Прежде всего, опасения порождает желание государства в будущем выстроить

[15] Chen Y., Cheung, A. (2017) The Transparent Self Under Big Data Profiling: Privacy and Chinese Legislation on the Social Credit System. *The Journal of Comparative Law.* Vol. 12. No. 2. P. 356—378.
[16] Mitchell T. (2002) Rule of Experts. Egypt, Techno-Politics, Modernity. University of California Press.
[17] Cheney-Lippold J. (2017) We Are Data: Algorithms and the Making of Our Digital Selves. New York, NY: NYU Press.
[18] Citron D., Pasquale F. (2014) The Scored Society: Due Process for Automated Predictions. *Washington Law Review.* Vol. 89. No. 1. P. 1—33; Срничек Н. Капитализм платформ (2019). М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
[19] Mac Síthigh D., Siems M. (2019) The Chinese Social Credit System: A Model for Other Countries? EUI Department of Law Research Paper 2019/01. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/60424/LAW_2019_01.pdf?sequence=1&isAllowed=y.

кросс-платформенное и межинституциональное взаимодействие и установить единую систему рейтингования и обмена данными — вместо нынешних многочисленных экспериментальных проектов[20]. Уже работающий в этом направлении кейс — сотрудничество кредитного скоринга (Sesame Credit, разработанного Ant Group) и судебной системы Китая. Причина — низкая эффективность судебных решений (выполняются только 20% постановлений о штрафах). Sesame Credit снижает кредитный рейтинг тех, кто не платит штрафы; а уже в рамках социального рейтинга «уклонистам» не дают покупать дорогие билеты, а их детям — учиться в частных школах[21]. Платежная система Alipay (часть экосистемы Alibaba) взяла на себя ту же задачу интегрировать данные кредитного рейтинга с информацией из МВД, налоговой службы и службы судебных приставов — единый рейтинг не только влияет на количество скидок и выгодных предложений, но и транслируется на другие платформы (по покупке билетов, съему квартир и отелей). Таким образом, частные, но практически монопольные цифровые системы в Китае также действуют в логике единого социального рейтинга[22]. Важно, что подобная кросс-платформенность рейтинга рискует нарушать юридически важный принцип соразмерности проступка и наказания: например, человек не заплатил алименты — а его лишают права снимать жилье, или не заплатил штраф за превышение скорости — ГАИ отказывает в проведении техосмотра[23].

Помимо такой унификации, немало опасений вызывает именно публичный шейминг: имена, фотографии, личные данные, сумма долга должников в провинции Анхой, например, публиковались на гостелевидении и билбордах[24] — структурно это напоминает российские списки должников за коммуналку, которые вывешивают у подъездов. Какие проблемы здесь возникают? Прежде всего, не достигается конечная цель — перевоспитание и исправление должника. Начинает действовать хорошо известный в социологии закон Матфея: чем больше шеймят и придают огласке данные должника, тем больше на него ложится стигма, тем меньше шансов, что он найдет новую работу или иные ресурсы и сможет выплатить долг. Начинает действовать социальная сегрегация. Ограничения на поездки, аренда жилья, устройство детей в школы отрубают социальные связи должни-

[20] Xiaodong D., Dale Yu. Zh. (2020) Rethinking China's Social Credit System: A Long Road to Establishing Trust in Chinese Society. *Journal of Contemporary China*. P. 3. https://www.doi.org/10.1080/10670564.2020.1852738.
[21] Yang Yi (2019) China Focus: Chinese Courts Use Technology to Tighten Noose on Debt Defaulters. *Xinhuanet*, http://www.xinhuanet.com/english/2017-10/03/c_136657135.htm.
[22] Gladys Pak Lei Chong (2019) Cashless China: Securitization of Everyday Life Through Alipay's Social Credit System — Sesame Credit. *Chinese Journal of Communication*. Vol. 12. No. 3. P. 290—307. https://www.doi.org/10.1080/17544750.2019.1583261.
[23] Xiaodong D., Dale Yu. Zh. (2020) Rethinking China's Social Credit System: A Long Road to Establishing Trust in Chinese Society. *Journal of Contemporary China*. P. 10. https://www.doi.org/10.1080/10670564.2020.1852738
[24] Keegan E. (2018) Chinese Debtors Shamed with Broadcast of Names and Faces on Giant Screens on May 1 Holiday. *South China Morning Post*. URL: https://www.scmp.com/news/china/society/article/2144690/chinese-debtors-shamed-broadcast-names-and-faces-giant-screens.

ка — его друзья, знакомые, коллеги начинают опасаться общаться с ним, и в итоге «плохие» не перевоспитываются, а просто отделяются от «хороших» в гетто.

И последнее: опасения вызывает возможная связь новых цифровых рейтингов со старой, еще времен Мао Цзэдуна, системой *даньган* — закрытого досье на каждого китайского горожанина, которое заводится после окончания школы, куда включены не только стандартные биографические данные (рост, вес, фотография, список работ), но и отзывы начальства и учителей, а также информация о судимости и административных правонарушениях. (Доступ к досье по умолчанию имеют работодатели и сотрудники спецслужб, а сами граждане — только по особому их запросу.)

Конечно, проблемы китайского социального рейтинга представляют для России не только абстрактный теоретический интерес. В рамках этого текста я попытался показать, что ССР — не экзотическое явление чужого для нас общества, а вполне закономерное развитие общества модерна, информатизации, биовласти и подобных больших процессов. И даже больше: среди очевидных аналогов механизмов ССР в России — такие разнородные, но уже вполне укоренившиеся в отечественном ландшафте вещи, как списки неплательщиков коммуналки в подъездах, реестр недобросовестных поставщиков в ЕИС «Госзакупки» и «Диссернет» (да, несмотря на свою политизированность, «Диссернет» отвечает двум задачам ССР — независимому аудиту и борьбе с нарушениями академической этики). Система социального рейтинга — это ведь история не про тотальный цифровой надзор государства над гражданами, а про общество доверия и прозрачности, где государство лишь дирижирует многочисленными инструментами открытости граждан и организаций друг перед другом. Готово ли к этому российское государство — это вопрос, но в нем есть как минимум несколько сил, заинтересованных в таком развитии. Готовы ли к этому жители страны — вопрос еще более острый, и ответ у меня пока скорее «нет» — принимая во внимание «культуру потаенности», кардинального различия между «в реальности» и «на самом деле», в котором мы живем.

Из открытых источников

ШТЕЙНБУХ
АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

научный сотрудник регионального научного центра
Российской академии образования (РАО)

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ДОВЕРИЯ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ

Эффективность госуправления напрямую зависит от степени доверия и открытости власти и общества. К сожалению, принцип «говорить одно, думать другое, а делать — третье» как для общества, так и для государства за последние десятилетия не стал менее актуальным и не превратился в исторический анекдот. Данные опросов общественного мнения поддерживают убежденность власти в том, что она имеет достаточный кредит доверия от населения, а население продолжает считать, что единственный возможный вариант быстрого решения возникающих проблем — это жалобы «на самый верх», а лучше бы — непосредственно президенту. Примеры подобного мы наблюдаем регулярно в ходе разнообразных «прямых линий» и видеоконференций с участием президента. Скорость решения[1] по заданным на этих «прямых линиях» вопросам, а главное превентивное указание местным властям «не пытаться ущемлять» жалующихся, косвенно подтверждают, что полноценного диалога и взаимного доверия у власти и общества до сих пор нет.

Несмотря на достаточно быстро идущую цифровизацию госуправления, для решения конкретных вопросов часть наших сограждан предпочитает действовать в рамках «позвоночного» права, пытаясь любыми способами дозвониться до конкретных исполнителей или их непосредственного руководства, либо до первых лиц в структурах и территориальных органах. Разнообразные электронные сервисы, от региональных типа «наш город», до разворачиваемой общефедераль-

[1] См. например: URL: https://rg.ru/2021/02/11/reg-sibfo/v-institutah-so-ran-posle-obrashcheniia-uchenyh-k-prezidentu-nachalis-proverki.html.

ной системы «центров управления регионом» в рамках инцидент-менеджмента, по факту не столько решают проблему улучшения качества жизни граждан, сколько выступают еще одним механизмом контроля за подчиненными в системе государственного и муниципального управления.

Фактически вместо попытки «тонкой настройки» существующей системы управления государство выделяет миллиарды на дублирование системы контроля. Власть стимулирует общество проявлять гражданскую сознательность и не оставаться безучастными, но через активность в соцсетях, а не путем обращения в специально созданные и кодифицированные механизмы взаимодействия с властью. По сути, остается лазейка «Вы к нам не обращались. Заявления же нет!».

Механизм «одного окна» снял с населения необходимость разбираться в бюрократических хитросплетениях и уменьшил коррупционную емкость на бытовом уровне (в системе «одного окна» просто некому предлагать взятку — электронная очередь денег не берет, а клерк в МФЦ не влияет на разрешение ситуации). С другой стороны, в случае сбоя функционирования и при понятном нежелании чиновников брать ответственность на себя человек сталкивается с бездушной личиной госаппарата, который не умеет и не хочет решать конкретные проблемы отдельно взятого человека. Штампуемые бюрократические отписки направлены не на разрешение проблемы или объяснение пути решения, а скорее на «оптичивание» протокола действий исполнителя.

Без понимания — нет доверия, а у нас в очередной раз общество старательно отгораживают от понимания того, как устроен механизм, призванный решать проблемы граждан. Степень информированности общества о деятельности госаппарата постепенно уменьшается, в том числе из-за введения дополнительных ограничительных мер. Законодательные запреты на комментирование деятельности органов безопасности и вооруженных сил со стороны бывших сотрудников, вступившие в силу в 2020 году, не только являются формой цензуры, но и свидетельствуют о кризисе доверия государства даже к собственным сотрудникам. Несмотря на наличие необходимой законодательной базы, требующей расширения информационной прозрачности, госаппарат все более замыкается, а общество все меньше понимает, куда уходят налоги и эффективно ли они тратятся на госаппарат. Понимают ли это в руководстве страны — вопрос скорее риторический, но признаков изменения тренда в информационной политике пока не наблюдается, а значит, и ожидать изменений во взаимоотношениях власти и общества пока не приходится.

КУЛЕШОВА
АННА ВИКТОРОВНА

кандидат социологических наук,
член Комиссии РАН по противодействию
фальсификации научных исследований

СУДЫ: ДОВЕРИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

О государстве лучше всего судить по тому,
как в нем судят.
Станислав Ежи Лец

Согласно статистике, предоставленной Верховным судом, в 2020 году суды рассмотрели 38,4 млн дел. Это на 11 % больше, чем в 2019 году. Суды удовлетворили 97 % заявленных работниками требований о взыскании зарплаты, 83 % требований о предоставлении гарантий и компенсаций, предусмотренных трудовым законодательством, и 44 % требований о восстановлении на работе. На 1 января 2020 года в России насчитывалось 524 000 заключенных, годом позже — 482 900. Суды немного реже отправляли в СИЗО в 2020 году: 91 700 раз против 94 600 годом ранее. Всего в 2020 году осудили 582 500 человек. И лишь немногим удалось оспорить приговор: в кассационных и апелляционных инстанциях отменили обвинительные приговоры в отношении 8 300 человек и смягчили приговор для 17 000. Лишь 1 из 23 жалоб по уголовным делам помогала добиться отмены или смягчения приговора. Только каждого третьего осужденного приговорили к реальному сроку. При этом лишь каждого десятого обвиняемого по «предпринимательским» составам отправили в колонию, для остальных избрали другое наказание. 38 % уголовных дел в отношении предпринимателей суды и вовсе прекращают[1]. Вполне позитивная статистика, но все-таки социологические опросы констатируют недоверие судам со стороны населения.

[1] См. подробнее: Верховный суд подвел итоги работы судов за 2020 год // Право.ру. 09.02.2021. URL: https://pravo.ru/story/229410/.

Данные ФОМ, ВЦИОМ и «Левада-центра» показывают следующую картину:

- в 2004, 2008 и 2011 годах опросы ФОМ фиксировали растущее безразличие граждан к работе судов, но в 2012 году ситуация резко изменилась (увеличилось число людей, готовых дать оценку российскому правосудию, как положительную, так и отрицательную)[2];
- в 2017 году 43 % наших сограждан считали, что в стране часто выносятся несправедливые приговоры[3];
- в 2018 году не одобряли деятельность судов 38 % россиян[4];
- в 2020 году 54 % россиян согласились с тем, что суды не заслуживают доверия[5].

По индексу World Justice Project Россия в 2019 году упала в рейтингах «главенства закона» на 4 пункта и заняла 94-е место из 128 стран в списке.

Начало 2021 года стало еще одним вызовом: 23 и 31 января, а также 2 февраля прошла волна протестов в 130 городах России. За эти дни, по данным правозащитной организации «ОВД-Инфо»[6], по всей стране были задержали более 11 тысяч человек (официальных данных о числе задержанных, к сожалению, найти не удалось). Суды над участниками несанкционированных акций и сами акции гражданского неповиновения, с одной стороны, привлекли внимание к работе судов, с другой — обострили межличностные конфликты.

[2] См. подробнее: О судах и судьях. Справедливы ли российские суды и чем они руководствуются в своей работе? // ФОМ. 20.07.2020. URL: https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/10551.

[3] См. подробнее: Репутация судов и судей. Справедливы ли российские судьи? И должен ли суд быть независимым? // ФОМ. 13.03.2017. URL: https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/13239.

[4] См. подробнее: Государственные и общественные институты: оценки деятельности // ВЦИОМ. 27.12.2018. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvennye-i-obshhestvennye-instituty-ocenki-deyatelnosti.

[5] См. подробнее: Доверие институтам // Левада-центр. 21.09.2020. URL: https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/.

[6] См. подробнее: Правозащитники сообщили о рекордном числе задержанных на акциях в России // РБК. 31.01.2021. URL: https://www.rbc.ru/politics/31/01/2021/6016e2289a79478685afa46f.

КОММЕНТАРИЙ ЭКСПЕРТА

ТРАВКОВА
МАРИНА РАХИМЖОНОВНА

системный семейный психотерапевт,
супервизор в Центре помощи пострадавшим от насилия
«Насилию.нет», преподаватель НИУ ВШЭ

ПАРАДОКСЫ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ДОВЕРИЯ НА СТАРТЕ 2021 ГОДА

Тема доверия в межличностных отношениях, с которой в первые месяцы 2021 года приходят на прием к психологу, стала сквозной: от отношений «человек — государство» (и центральное телевидение как часть его) до отношений «человек — человек». «Поколение телевизора» и «поколение интернета» схлестнулись сразу по нескольким темам: необходимость вакцинации, необходимость выходить на митинги, дозволенность или недозволенность дворцов.

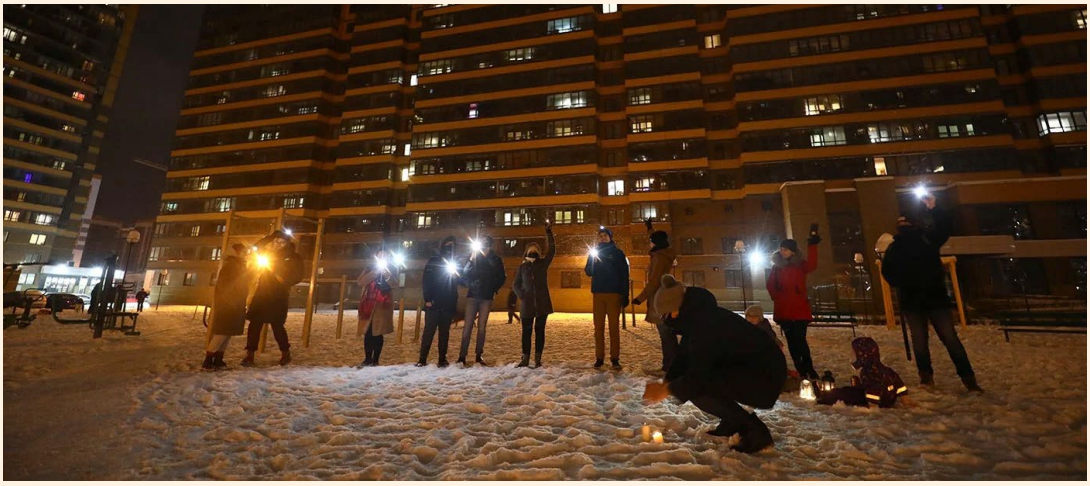
С одной стороны — люди, признающие действующую власть и считающие ее насилие в ходе мирных митингов, прокатившихся по стране 23 и 31 января 2021 года, легитимным, вопрошающие у тех, кто выходит на митинги и пикеты: «А чего же жаловаться на примененное насилие, вас ведь предупреждали?». За ними личный выбор веры — веры в «институциональное эго», возможность государства быть справедливым, то, что в социальной психологии называется «теорией справедливого мира»: базовая установка, подразумевающая, что с миром вокруг можно договориться, ты ведешь себя хорошо, он отвечает тебе тем же.

С другой стороны — люди, уверенные в своем праве на свободу собраний и в «институциональное эго» в лице действующей власти не верящие (или верящие, но с определенными ограничениями).

Насилие, примененное государством во время мирных шествий и акций, ошарашивало одних, воспринимаясь ими как демонстрация бесцельной и чрезмерной ярости (указывающей на скрытый страх), не похожей на уравновешенный гнев Мудрого Взрослого; и укрепляло в своих убеждениях других.

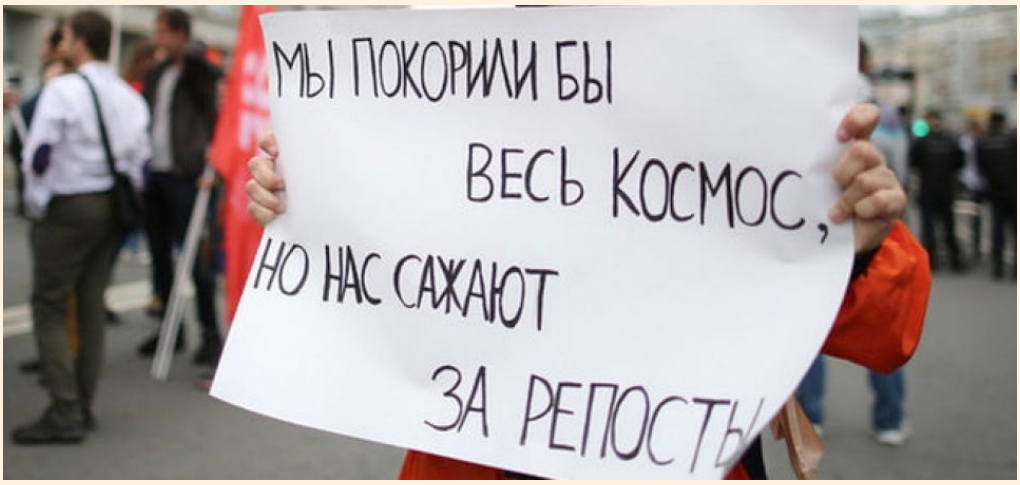
Яркий тому пример — акция с фонариками (прошедшая 14 февраля в поддержку Юлии Навальной). Вероятно, она получила бы меньше внимания и в СМИ,

и в интернет-пространстве, не привела бы к межличностным конфликтам, если бы не чрезмерная реакция представителей власти[1].



Из открытых источников

Доверие в межличностных отношениях утрачивалось через попытки осознать и определить свое место в текущих событиях: рыдающие родители, не пускающие на митинги детей; мужья, недовольные активностью жен. Если смотреть на эти ситуации глазами психолога, увидим, что теми и другими движет страх за близких, с той разницей, что защита ребенка — естественная будто бы родительская роль и карта, которую пытались разыграть в эти дни («Навальный заманивает наших детей на митинги»), то муж политически активной жены — это новый гендер, вызов сразу и маскулинной роли защитника и определителя семейного курса, и пробел в нарративе о жертвенности, которая обычно читается как женская, а в данном случае должна принадлежать мужчине.



Из открытых источников

[1] URL: «Люди приходят с работы уставшие, им нужно отдохнуть, а не смотреть на свет фонариков». В Госдуме собираются проконтролировать использование фонариков на заявленном оппозицией флешмобе 14 февраля // Подъем. 10.02.2021. URL: https://www.rbc.ru/politics/11/02/2021/602500bb9a7947b95f1c8f93; https://pdmnews.ru/19615.

Социологи обычно задают вопрос о доверии судам в целом, не выделяя отдельный вопрос по доверию экспертам, готовящим судебные экспертизы. Возможно, такой подход несет в себе определенную уязвимость. Рассмотрим ситуацию на примере гуманитарных экспертиз. Правоприменительная практика сегодня такова, что нередко лингвисты-эксперты, привлекаемые следствием и судом, заменяют собой судей в вопросе о виновности/невиновности обвиняемого. Какой вывод эксперт даст в своем заключении, такое решение следствия и суда и будет. Функция же судьи в подобных ситуациях может сводиться к определению меры наказания внутри вилки, предусмотренной законодательством (условно/реально, количество лет заключения или размер штрафа)[2].

Несовершенный механизм гуманитарных экспертиз на фоне их все большей и большей востребованности становится заметнее. «В России проходят сотни судебных процессов, во время которых судьба подсудимых во многом зависит от мнения экспертов. Это дела по экстремизму, оскорблению чувств верующих и по многим другим статьям. Однако качество этих экспертиз часто вызывает, мягко говоря, сомнения у коллег-ученых. В заключениях порой можно найти ссылки на устаревшие научные статьи или просто на «Википедию», а эксперты, к примеру, могут расценить слоган «Убей в себе раба» на футболке как призыв к свержению конституционного строя. И человек получает срок», — отмечает в своем докладе, прочитанном в стенах НИУ ВШЭ, Дмитрий Дубровский[3].

Уголовные сроки за репосты и комментарии в соцсетях, участие в мирных протестах перестали быть новостью и напрямую влияют на доверие судам в ситуациях, когда в массовом сознании такие вердикты определяются как безрассудные и неразумные, активно тиражируются в интернет-пространстве через мемы. В отличие от многих других преступлений, анализ которых плохо дается или не дается вовсе среднестатистическому обывателю по причине сложности и многоуровневости судебных дел, уголовные сроки за репосты и участие в мирных протестах воспринимаются как несправедливые, поскольку обычно широко тиражируются[4] журналистами, получают букет объяснительных моделей и представляются гражданам простыми, доступными и однозначными.

[2] Дубровский Д., Заякин А., Касьян А., Мелихова Л., Ростовцев А. «Судебные экспертизы»: совместный проект «Диссернета» и Amicus Curiae // Троицкий вариант. № 321. 26.01.2021. URL: https://trv-science.ru/2021/01/sudebnye-ekspertizy-sovmestnyj-proekt-disserneta-i-amicus-curiae/.

[3] См. подробнее: «От сумасшедшего можно отмахнуться. Но это — доктор наук» // Lenta.ru. 29.05.2019. URL: https://lenta.ru/articles/2019/05/29/expert/.

[4] См., например: От лайка до суда. Самые громкие дела за репосты в социальных сетях // DP.ru. 03.10.2018. URL: https://www.dp.ru/a/2018/10/03/Ot_lajka_do_suda__Samie_g; «Кого надо — привлечем». Истории россиян, осужденных за лайки // Lenta.ru. 24.07.2018. URL: https://lenta.ru/articles/2018/07/24/likeshare/; Сел за мемасик. Как в России наказывают за «экстремизм» в соцсетях // Русская служба Би-би-си. 06.08.2018. URL: https://www.bbc.com/russian/news-45062731.

КОММЕНТАРИЙ ЭКСПЕРТА

КАЗУН
АНТОН ПАВЛОВИЧ

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник Международного центра
изучения институтов и развития НИУ ВШЭ (Москва)

МЕЖДУ ХАЙПОМ И СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ: МОГУТ ЛИ СМИ ВЛИЯТЬ НА РЕЗУЛЬТАТЫ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА?

В последние годы российские медиа уделяют большое внимание судебным процессам. Эти истории можно подразделить на категории, из которых хорошо видно, что указанные судебные дела затрагивали очень разных по своему статусу людей.

Громкие судебные процессы 2017—2021 гг.

- процессы против высокопоставленных чиновников (например, дело Улюкаева[1], дело Абызова[2], дело Фургала[3]);
- антикоррупционные процессы против бывших правоохранителей (дело Захарченко[4]);
- крупные коммерческие споры и уголовные дела против предпринимателей (спор АФК «Система» и «Роснефти»[5], дело братьев Магомедовых[6], дело Калви[7] и пр.);
- процессы против политических активистов («Московское дело»[8], кейс Алексея Навального[9]);
- процессы с участием знаменитостей (дело футболистов Кокорина и Мамаева[10], дело Ефремова[11]);
- дела против профессионалов, связанные с их профессиональной деятельностью (дело журналиста Голунова[12], дело врача-гематолога Мисюриной[13], дело адвоката Беньяша[14], дело режиссера Кирилла Серебренникова[15]);
- уголовные дела по статьям, связанным с государственной безопасностью (дело «Сети», дело Сафронова[16]);
- процессы, ставящие остросоциальные вопросы (дело сестер Хачатурян[17]).

[1] Дело Улюкаева: Экс-министр арестован по обвинению в получении взятки в размере $ 2 млн // РБК. URL: https://www.rbc.ru/story/582a9e109a7947bee505adf7.

[2] Дело Михаила Абызова // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/theme/3181.

[3] Дело губернатора Фургала // РБК. URL: https://www.rbc.ru/story/5f0676619a79473e31b184a3.

[4] Дело Дмитрия Захарченко // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/theme/2619.

[5] Дело на миллиарды: как «Роснефть» Игоря Сечина судилась с «Системой» // BBC News. 23.08.2017. URL: https://www.bbc.com/russian/features-40853786.

[6] Дело братьев Магомедовых: 30 марта стало известно о задержании братьев Магомедовых // РБК. URL: https://www.rbc.ru/story/5abf67d99a7947a8b901e975.

[7] Дело Майкла Калви // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/theme/3156.

[8] Московское дело // Медиазона. URL: https://zona.media/theme/moscow-trial.

[9] Мособлсуд оставил Алексея Навального в СИЗО // Коммерсантъ. 28.01.2021. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4663692.

[10] Дело Александра Кокорина и Павла Мамаева. Все эпизоды // Спорт экспресс. 17.09.2019. URL: https://www.sport-express.ru/football/rfpl/reviews/delo-aleksandra-kokorina-i-pavla-mamaeva-draki-zaderzhanie-sizo-sud-koloniya-tyurma-vse-epizody-1534909/.

[11] Дело Михаила Ефремова. Главное // ТАСС. 03.09.2020. URL: https://tass.ru/proisshestviya/9359267.

[12] Дело Ивана Голунова // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/theme/3212.

[13] Суд отправил дело врача Мисюриной на новое рассмотрение // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4616432.

[14] История Михаила Беньяша // Адвокатская газета. 11.10.2019. URL: https://www.advgazeta.ru/diskussii/delo-mikhaila-benyasha/.

[15] Дело Кирилла Серебренникова // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/theme/2094.

[16] Дело Сафронова: в чем проблемы с преследованием за госизмену в России // РБК. URL: https://www.rbc.ru/society/08/07/2020/5f055bce9a794756a58b0717.

[17] Дело сестер Хачатурян // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/theme/3286.

Предложенный список, разумеется, не исчерпывающий, а различные дела могут одновременно попадать в несколько разных категорий, в том числе в зависимости от того, как они позиционируются стороной защиты и стороной обвинения. Но даже из этого списка хорошо виден общественный интерес к работе российской судебной системы. С чем связан такой интерес и может ли публичное освещение судебного дела как-то повлиять на результат? Ответ на этот вопрос я попробую дать с опорой на предварительные результаты проекта, который выполняется при поддержке программы Oxford-Russia Fund[18].

Из открытых источников

[18] Social Sciences Lab. URL: https://ssl-research.org/member/anton-kazun/.

Двуликое право

Для ответа на вопрос о том, какой эффект может иметь общественное внимание к судебному процессу, необходимо разобраться, как работает право. Представители разных дисциплин выразили бы различное мнение на этот счет. Юрист скажет, что судья будет руководствоваться лишь юридическими фактами, а медиа должны непредвзято информировать население о ходе процесса, но ни в коем случае не могут влиять на его результаты. Например, в первом сезоне сериала «Американская история убийства» показано, как, действуя в этой логике, присяжных по делу известного футболиста О. Джей Симпсона (обвиняемого в убийстве бывшей жены и ее любовника) лишают средств связи, селят в отдельный дом и тщательно изолируют от прессы.

Социолог ответил бы юристу, что полная изоляция судьи, присяжных и любых других участников процесса от общества и медиа едва ли возможна, поскольку на наши решения влияет среда, в которой мы живем, наше воспитание, нормы и ценности, а также знания и профессиональные навыки. Все это будет резонировать с известной нам информацией о том или ином судебном деле — если не с публикациями в СМИ, то с материалами дела и личностью обвиняемого. Не случайно отбор присяжных заседателей учитывает эти факторы, что отлично было показано в фильме «Адвокат дьявола». И так же не случайно, что полностью изолировать от публики присяжных и судью по делу О. Джей Симпсона не получилось. Действительно, как показывают исследования[19], наличие публично доступной информации существенно влияет на решения как присяжных, так и судей. Таким образом, если право само по себе и может претендовать на нейтральность, то правоприменение однозначно является *социально укорененным процессом* (то есть зависит от наших взглядов, норм, ценностей и окружения).

В 1976 году вышла книга молодого исследователя Дональда Блэка «The Behavior of Law» («Поведение закона»)[20], которая произвела революцию в социологии права и до сих пор остается одной из самых главных теорий этой дисциплины. Блэк обратил внимание на то, что закон «ведет себя по-разному» в зависимости от того, какой социальный статус имеют стороны процесса. Чем более высокое положение занимает человек, чем сильнее он интегрирован в общество, чем

[19] См.: Fein S., McCloskey A.L., Tomlinson Th. M. (1997) Can the Jury Disregard That Information? The Use of Suspicion to Reduce the Prejudicial Effects of Pretrial Publicity and Inadmissible Testimony. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 23. No. 11. P. 1215—1226. https://www.doi.org/10.1177/01461672972311008; Steblay N. M., Besirevic J., Fulero S. M., Jimenez-Lorente B. (1999) The Effects of Pretrial Publicity on Juror Verdicts: A Meta-Analytic Review. *Law and Human Behavior*. Vol. 23. No. 2. P. 219—235; McEwen R., Eldridge J., Caruso D. (2018) Differential or Deferential to Media? The Effect of Prejudicial Publicity on Judge or Jury. *The International Journal of Evidence & Proof*. Vol. 22. No. 2. P. 124—143. https://www.doi.org/10.1177/1365712718765548.

[20] Black D. (2010) The Behavior of Law. Bingley: Emerald Group Publishing.

типичнее и традиционнее его взгляды и культура, тем мягче и лояльнее к нему будет закон. Вот и оказывается, что при прочих равных богатый побеждает бедного, а работающий семьянин получает менее строгое наказание, чем неработающий, холостой и бездетный гражданин. Оказалось, что правосудие не так уж слепо.

За книгой Дональда Блэка последовала масса эмпирических исследований[21]. Некоторые из них подтвердили его теорию, другие нашли примеры ситуаций, когда она не работает. На первый взгляд наблюдения Блэка логичны. Жителя России, вероятно, совсем не удивит тезис о том, что закон, как правило, находится на стороне сильного. Но если почитать уголовный или гражданский кодекс, то там нигде не написано, что суд должен с большим пониманием относиться к богатому человеку и безжалостно наказывать безработных маргиналов. Закон должен быть одним для всех. Именно здесь и рождается *ключевое противоречие между двумя функциями закона*.

Одна из этих функций — это *обеспечение справедливости*, что достигается через принцип равенства всех сторон перед законом. Другая функция — *поддержание социальной стратификации*. Карл Маркс сказал бы, что закон нужен для того, чтобы капиталистам было проще эксплуатировать рабочий класс. Но с опорой на теорию Дональда Блэка мы можем дополнить Маркса: неравенство в правовом поле выходит далеко за пределы классовых различий. Неравенство перед законом относится и к гендеру, и к религии, и к сексуальной ориентации, и к образованию, и к любому другому измерению, в котором граждане не равны между собой.

«Темная» и «светлая» сторона закона сосуществуют, но постепенно на протяжении истории противоречия между ними накапливались. Когда-то сословные различия были прямо занесены в закон, сейчас же даже авторитарные государства и диктатуры стремятся декларировать принцип всеобщего равенства перед законом. Закон все еще защищает сильных от слабых, но он вынужден делать это украдкой, не привлекая к таким ситуациям лишнего внимания. Именно здесь и проявляется функция СМИ и публичности: если направить общественное внимание на несправедливый судебный процесс, то можно уравнять шансы «сильного» и «слабого», то есть *переключить функцию закона с поддержания социальной стратификации на обеспечение социальной справедливости*. По крайней мере, так это работает в теории.

[21] Braithwaite J., Biles D. (1980) Empirical Verification and Black"s „The Behavior of Law." *American Sociological Review*. Vol. 45. No. 2. P. 334—338. https://www.doi.org/10.2307/2095131; Avakame E.F., Fyfe J.J., Mccoy C. (1999) „Did You Call the Police? What Did They Do?" An Empirical Assessment of Black"s Theory of Mobilization of Law. *Justice Quarterly*. Vol. 16. No. 4. P. 765—792. https://www.doi.org/10.1080/07418829900094361; Kuo Sh.-Ya, Cuvelier S.J., Sheu Ch.-J., Chang K.-M. (2012) Crime Reporting Behavior and Black"s Behavior of Law. *International Sociology*. Vol. 27. No. 1. P. 51—71. https://www.doi.org/10.1177/0268580911423054.

1 % + 1 %

На практике же шансы российского адвоката добиться оправдательного приговора по уголовному делу уже много лет составляют менее 1 % (если быть точным, то в 2019 году шансы составляли 0,24 %[22]). Эта особенность российского правосудия, получившая название «обвинительный уклон», имеет корни еще в советской правоохранительной системе. Это означает, что решение о виновности или невиновности человека де-факто принимается на этапе следствия, которое должно решить, достаточно ли доказательств вины собрано. Судья же волен лишь немного скорректировать приговор[23]. В результате возможна парадоксальная ситуация, когда условный приговор, вынесенный человеку, чья вина не доказана, воспринимается в юридическом сообществе как победа.

Каково быть адвокатом в этой ситуации? Приятного, конечно, мало, поскольку зачастую даже твои грамотные действия имеют ограниченный результат. Из-за этого клиенты тебе не доверяют и начинают искать какого-нибудь недобросовестного юриста, который мог бы занести деньги нужным людям… Возникает желание бросить все и заняться чем-то другим[24]. Но что делать, если добросовестный и профессиональный адвокат все же раз за разом совершает точные юридические действия, но суд не обращает на них никакого внимания, отклоняет ходатайства, не рассматривает важные материалы? Логичным шагом кажется рассказать об этой несправедливости другим юристам, а может быть, и населению.

Впрочем, если бы каждый желающий мог рассказать в СМИ о несправедливостях, с которыми он сталкивается, то, вероятно, мы бы только про это и читали. Существуют очевидные ограничения, связанные с объемом газетных статей, продолжительностью новостных выпусков, а главное, вниманием, которое зритель или читатель готов уделить проблеме. Согласно теории публичных арен[25], социальные проблемы конкурируют между собой за внимание публики. Так, в 2020 году все обсуждали эпидемию коронавируса, и многие другие вопросы отошли на второй план. Разумеется, поместить между глобальными вызовами и крупными событиями (например, Олимпиадой) проблему, связанную с правоприменением, особенно с какой-то частной историей, не так-то просто. Если принять во внимание, что поток уголовных дел исчисляется десятками тысяч, то окажется, что шансы на публичное

[22] Госкорпорация «Правосудие». Часть первая. Исследование о том, можно ли доказать невиновность в российском суде // Проект. 15.05.2019. URL: https://www.proekt.media/research/opravdatelny-prigovor/.
[23] Paneyakh E. (2016) The Practical Logic of Judicial Decision Making. *Russian Politics & Law.* Vol. 54. No. 2—3. P. 138—163. https://www.doi.org/10.1080/10611940.2016.1176843.
[24] Khalikova Yu., Kazun A. (2021) Should I Stay, or Should I Go? Self-Legitimacy of Attorneys in an Authoritarian State. *Crime, Law and Social Change*. January. https://www.doi.org/10.1007/s10611-020-09930-1.
[25] Hilgartner St., Bosk Ch.L. (1988) The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model. *American Journal of Sociology*. Vol. 94. No. 1. P. 53—78. https://www.doi.org/10.1086/228951.

внимание к конкретному делу не выше, чем шансы на оправдательный приговор, уж точно менее 1 %. От чего же зависят шансы попасть в этот 1 %?

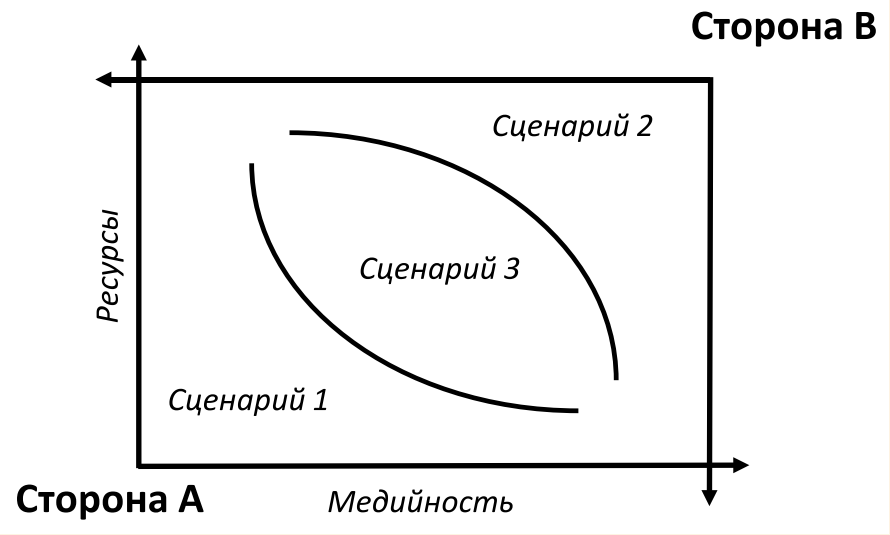
Стратегическая игра

Адвокаты и журналисты выделяют два ключевых фактора, которые позволяют привлечь внимание к делу. Первый и главный — это «медийность», то есть насколько обстоятельства дела позволяют рассчитывать на то, что публике история будет интересна. По-настоящему «медийное» дело может оказаться в поле общественного внимания, даже если сами участники процесса этого бы не хотели. Так, уголовное дело с участием знаменитости, крупного чиновника или олигарха, безусловно, привлечет к себе внимание. Другая важная составляющая медийности — это общественная значимость. Если речь идет о важной социальной проблеме (экология, банкротство крупного предприятия) или об опасном прецеденте (журналисту подбросили наркотики, чтобы он не делал расследование), то такая история также, скорее всего, привлечет к себе внимание. Медийность связана и с эмоциями: например, если «сильная» сторона пытается «спустить на тормозах» ДТП, в котором пострадал ребенок, это приведет к очевидной негативной реакции населения. Очень важно, чтобы история могла вызывать у читателя чувство несправедливости.

Если по каким-то причинам обстоятельства дела не позволяют привлечь внимание СМИ, остается надежда на ресурсы участника процесса. Они могут быть выражены в деньгах, социальных связях, а также знаниях и навыках. Можно привлечь адвоката, способного грамотно подать дело публике, выделив из него наиболее резонансную часть. Можно прямо заплатить изданию или журналисту за публикацию, хотя такая опция есть далеко не везде (уважаемые издания считают такие публикации неприемлемыми, но практика имеет место), и потому стоит это немалых денег. Можно мобилизовать друзей и знакомых, чтобы они писали о несправедливой ситуации в социальных сетях, это может привлечь внимание журналистов. Чем ниже уровень медийности проблемы, тем больше ресурсов потребуется задействовать, чтобы о ситуации узнали.

На рис. 1 схематично представлена ситуация, связанная с привлечением общественного внимания. Горизонтальная ось — совокупность обстоятельств дела, предопределяющая уровень медийности. Вертикальная ось — ресурсы, которые могут быть задействованы для привлечения внимания. Для противоположной стороны (конкурента, следователя и т. д.) ситуация имеет зеркальный характер: чем меньше уровень медийности и чем меньше ресурсов у стороны А, тем проще стороне В перетянуть общественное внимание на свою сторону или же вовсе замолчать проблему.

Рис. 1. Стратегическое взаимодействие сторон судебного процесса в медийном поле в зависимости от уровня медийности и ресурсов



Примечание: аналитическая схема предложена автором.

Различные комбинации медийиности и ресурсов сторон А и В могут привести к трем разным сценариям. Первый сценарий самый стандартный: у стороны защиты нет достаточных ресурсов для того, чтобы привлечь внимание СМИ к своей проблеме, а сама ситуация не обладает достаточным уровнем общественной значимости, чтобы журналисты обратили на нее внимание. В эту категорию попадут 99 % всех уголовных и арбитражных дел. Второй сценарий — прямо противоположная ситуация: в результате высокого уровня общественной значимости и/или большого объема задействованных ресурсов общественное внимание оказывается монополизировано стороной А так, что сторона В не может предложить адекватный ответ. Это не означает, что дело завершится в пользу стороны А, но негативный результат как минимум повлечет серьезные репутационные потери для стороны В. Наконец, есть и третий сценарий, при котором СМИ освещают как позицию стороны А, так и позицию стороны В. Возникает борьба за общественное мнение, и результат этого противостояния предсказать непросто.

Повысить ставки

Опрошенные эксперты как со стороны юридического сообщества, так и со стороны журналистов расходятся во мнениях, насколько эффективной может быть тактика привлечения общественного внимания к проблеме. Одни считают ее эффективной (и даже специализируются на этом), другие — совершенно бесполезной. Если взглянуть на громкие судебные дела последних лет, то действительно окажется, что в одних случаях справедливость торжествует (ярким примером

можно назвать освобождение журналиста Ивана Голунова), а в других, несмотря на огромный общественный резонанс, приговор оказывается суровым (иногда даже более суровым, чем мог бы быть без общественного резонанса).

Однако, чтобы оценивать результаты, нужно принимать во внимание, какие цели преследовали различные участники этого процесса (табл. 1) и насколько эти цели совпадают между собой.

Таблица 1. Мотивы привлечения общественного внимания к судебному делу со стороны различных участников процесса

	Мотивация привлечения общественного внимания		
	Манипулятивная	**Профессиональная**	**Общественно-политическая**
Подзащитный/ клиент	«Отмазаться»	Добиться, чтобы аргументы были услышаны, защитить репутацию клиента	Рассказать о несправедливости, указать на нарушения прав человека
Адвокат/ юрист	«Попиариться»		
Журналист/ редактор	Создать «хайп»	Рассказать аудитории об общественно-значимом деле	
Противоположная сторона	Создать «шум» и всех запутать	Разъяснить позицию обвинения	Дать «сигнал» обществу о том, что за подобное нарушение следует серьезное наказание

Примечание: таблица построена автором на основании экспертных интервью; мотивы сторон не исчерпываются данным перечнем.

Из перечня мотивов хорошо видно, что некоторые результаты (из группы «манипулятивных» и группы общественно-политических) могут быть достигнуты вне зависимости от конкретного решения суда. Более того, жесткое решение суда даже может играть на руку для достижения ряда целей.

Важно подчеркнуть, что **выход в публичное поле чаще всего означает «повышение ставок» (рисков) для всех сторон процесса**, ведь за профессионализмом адвоката, судьи, следователя и журналиста, а также обстоятельствами дела (иногда личной жизнью подзащитного) теперь будут пристально наблюдать. Потому даже при наличии достаточных ресурсов и медийности далеко не всегда разумно прибегать к публичной тактике защиты.

Заключение: реальные последствия

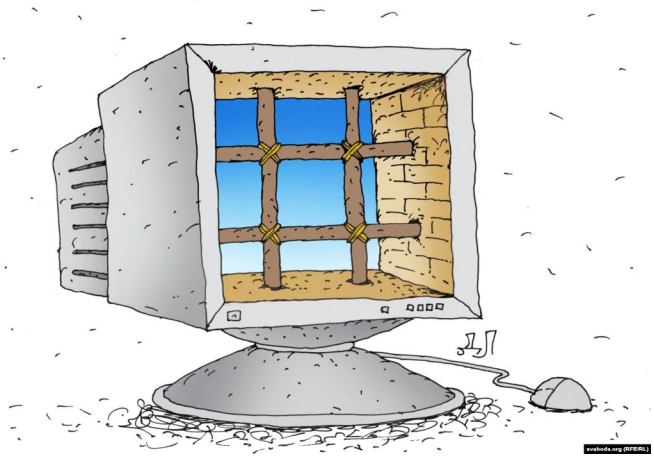
Так почему же, несмотря на неоднозначность результатов, участники судебного процесса активно вовлекают СМИ в освещение обстоятельств дела? Из сказанного выше ясно, что ответов на этот вопрос может быть много. Для профессионального адвоката это способ хоть немного повысить шансы своего подзащитного на позитивный исход, заставить суд прислушаться к аргументам. Для недобросовестных игроков это погоня за «хайпом» и попытка самопиара. И даже в ситуации крайне низких шансов на победу это может быть способом что-то рассказать обществу, предупредить о проблеме.

Одна из самых известных социологических теорем гласит: «если ситуации определяются людьми как реальные, то они реальны по последствиям» (теорема Томаса). Данная теорема вполне применима к рассматриваемому нами вопросу. Участники процесса искренне считают, что публичность имеет значение, а потому выстраивают свои тактики и контртактики определенным образом. Адвокаты все чаще прямо предлагают клиентам давать информацию в СМИ, пресс-службы судов, прокуратуры и Следственного комитета активизируют свою работу и регулярно мониторят все публикации, судьи жалуются на давление общественности[26], журналисты получают огромное количество запросов на освещение того или иного дела. Одно это означает, что общественное внимание к судебным процессам имеет значение, а значит, потенциально может переключить право из режима поддержания социальной стратификации в режим обеспечения социальной справедливости.

[26] Судьи предложили наказывать СМИ за давление и необоснованную критику // РБК. 05.12.2019. URL: https://www.rbc.ru/politics/05/12/2019/5de86f879a7947ce9a8277f0.

Так как же принимаются решения о наказании, если речь идет о комментариях в соцсетях и репостах? Кто готовит для суда гуманитарную экспертизу и можно ли ей в полной мере доверять? «Гуманитарная экспертиза, — отмечает Дмитрий Дубровский, — требуется, например, в следующих случаях (и это неполный список):

- статья 152 ГК РФ о защите чести, достоинства и деловой репутации;
- статья 128.1 УК РФ. Клевета, 298.1 — клевета в отношении судей, присяжных, следователя и прокурора;
- статья 282 УК РФ — язык вражды (теперь — КоАП 20.3.1);
- статья 205.2 УК РФ — публичные призывы к осуществлению террористической деятельности;
- статья 280 УК РФ — публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности...»[1]



Дмитрий Дубровский обращает внимание, что к экспертам в области гуманитарной экспертизы не предъявляются специальные требования, «в отличие от традиционной экспертизы (почерковедческая, фототехническая, огнестрельного оружия, медицинская и так далее), у гуманитарных экспертов нет сертификатов. То есть в роли эксперта может привлекаться любой научный сотрудник»[2]. Достаточно быть кандидатом/доктором наук, преподавать в университете или... пройти двухнедельные курсы[3] повышения квалификации.

Отметим и еще один важный момент: у суда нет и требований к научным работам экспертов. Если их научные тексты содержат плагиат и лженаучные суждения, для суда они все равно останутся научными работами, подтверждающими экспертность.

[1] «От сумасшедшего можно отмахнуться. Но это — доктор наук» // Lenta.ru. 29.05.2019. URL: https://lenta.ru/articles/2019/05/29/expert/.

[2] Там же.

[3] См., например: Судебно-лингвистическая экспертиза (144ч) // Национальный исследовательский институт дополнительного образования и профессионального обучения. URL: https://niidpo.ru/seminar/sudebno-lingvistich-ehkspertiza-144-chasa?utm_source=google_adwords&utm_medium=cpa&utm_campaign=dinam_poisk_fid_14042019&utm_content=desktop&utm_term=gr1&network=g&placement=&position=&adid=484011208973&match=b&keyword=&roistat=google1_g_69590946136_484011208973_&roistat_referrer=&roistat_pos=&gclid=Cj0KCQiA962BBhCzARIsAIpWEL3cyEd3moyGk4TJI0oIWmByBUs6hweK-P9qNXHiCFOKYiisAgoyLg0aAoxOEALw_wcB

В мае 2019 года года в Российской академии наук состоялось расширенное заседание Комиссии по противодействию фальсификации научных исследований, на котором основным докладчиком выступил Дмитрий Дубровский с сообщением о фальсификации судебных экспертиз[4]. А в 2021 году сообщество судебных экспертов, исследователей и адвокатов Amicus Curiae и вольное сетевое сообщество «Диссернет» запустили совместный проект «Судебные экспертизы» — базу данных тенденциозных, необъективных или просто фальсифицированных экспертиз в области гуманитарных и социальных наук (филологии, психологии, политологии, религиоведения, культурологии), фигурирующих в судебных делах по ненасильственным преступлениям[5]. По мнению организаторов проекта, количество таких дел в России растет, а заключения некоторых экспертов все сильнее противоречат научному подходу и здравому смыслу.

При этом по мере роста востребованности лингвистических экспертиз со стороны государства количество принятых на вооружение методологий растет, а сами они становятся все более «резиновыми». Проблема усугубляется тем, что некоторые методики, например ФСБ, вообще секретны, и потому узнать, как они устроены, в принципе невозможно. Некоторые, такие как методика МВД, чересчур генерализованы и дают эксперту максимальную степень свободы. Даже несмотря на недавнее появление общего межведомственного документа по методике специальных экспертиз в этой области (материалы не опубликованы), качество применения этих методик вызывает серьезные нарекания специалистов[6].

* * *

Жизнь современных организаций любого уровня является объектом постоянного контроля и проверок, фиксируются данные как о сотрудниках, так и о внешних экспертах, подрядчиках и т. п. При этом не только сама система следит за тем, что происходит внутри нее (и для этого у нее есть миллион возможностей: от видеорегистраторов до жалоб от населения), но и граждане в меру сил стараются наблюдать за системой.

Чем крупнее становятся организации и чем больше людей с ними так или иначе соприкасаются, тем больше же людей оказываются в сфере контроля и разного уровня слежки. Ф. А. Хэнсон[7] отмечает: есть острая необходимость в том, чтобы

[4] Подробнее см. здесь: https://kpfran.ru/2019/05/30/329/

[5] Судебные экспертизы // Диссеропедия российских вузов. URL: http://rosvuz.dissernet.org/expertise.

[6] Дубровский Д., Заякин А., Касьян А., Мелихова Л., Ростовцев А. «Судебные экспертизы»: совместный проект «Диссернета» и Amicus Curiae // Троицкий вариант. № 321. 26.01.2021. URL: https://trv-science.ru/2021/01/sudebnye-ekspertizy-sovmestnyj-proekt-disserneta-i-amicus-curiae/.

[7] Hanson F. A. (1993) Testing Testing: Social Consequences of the Examined Life. Berkeley: University of California Press. https://doi.org/10.1002/1520-6807(199407)31:3<243:: AID-PITS2310310313>3.0.CO;2-H.

обнаруживать скрытые части жизни индивида, ведь в основании контроля лежит уверенность в том, что индивиды ведут себя по-разному в зависимости от того, наблюдают за ними или нет. На это А. Папакостас отвечает[8], что организационное наблюдение обычно представлено в документах — тестах, сертификатах и оценках прогресса индивида на том или ином поприще, и, чтобы заслужить доверие, люди используют в личных интересах наблюдения, зафиксированные в этих документах. Следовательно, основанием доверия являются не личные качества индивида, которому можно доверять, а организация, которая проводит наблюдения и проверки и штампует сертификаты, содержащие информацию о результатах наблюдений. Людям доверяют, — пишет Папакостас, — не на основании их способностей или отсутствия таковых, но на основании закодированных репрезентаций этих способностей, создаваемых организациями. Организация, таким образом, проливает свет на жизнь индивида, позволяя совершенно незнакомым людям доверять друг другу.

[8] Папакостас А. Становление цивилизованной публичной сферы: недоверие, доверие и коррупция / пер. с англ. Д. Жихаревича. М.: ВЦИОМ, 2016.

ГРИГОРЬЕВА
КСЕНИЯ СЕРГЕЕВНА

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН

ПОЧЕМУ ГРАЖДАНЕ НЕ ДОВЕРЯЮТ КОРПОРАЦИЯМ И ПРАВИТЕЛЬСТВАМ, СОБИРАЮЩИМ ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ?

В последнее время в России все чаще звучат опасения относительно государственного и корпоративного надзора за населением. Средства массовой информации заполнены тревожными сообщениями, предупреждающими граждан о наблюдении за ними через компьютеры, смартфоны, фитнес-трекеры и другую «умную» технику[1]. Опросы общественного мнения показывают растущую озабоченность россиян проблемами защиты личных данных. Согласно недавнему исследованию ВЦИОМ, 70% граждан отрицательно относятся к возможности передачи их персональных данных третьим лицам, причем 58% полагают, что это представляет для них личную угрозу[2]. По данным опроса PwC в России, проведенного в 2018 году, лишь 3% респондентов уверены, что контролируют свои персональные данные, в то время как 88% придерживаются противоположной точки зрения. Более 70% опрошенных считают, что компании отслеживают историю посещения ими сайтов и поисковых запросов в интернете, хотя большинство респондентов не хотели бы делиться этой информацией. 78% опрошенных убеждены, что компании собирают данные только для того, чтобы извлечь как

[1] См.: Королев Н. В сложной оперативной остановке. Пассажиров Москвы будут мониторить по смартфонам // Коммерсантъ. 20.10.2020. № 192. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4539137?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop; Синьков А., Арбатская Л. Ваш любимый смартфон — это тайный шпион: IT-специалист рассказал, как за нами следят благодаря нашим же мобильникам // Комсомольская правда. 05.12.2020. URL: https://www.irk.kp.ru/daily/27107.7/4333016/; Сальникова О. На крючке. Как за нами следят с помощью компьютеров и телефонов // Аргументы и факты. 12.04.2019. URL: https://spb.aif.ru/society/people/na_kryuchke_kak_za_nami_sledyat_s_pomoshchyu_kompyuterov_i_telefonov.

[2] Персональные данные в интернете: угроза утечки и как с ней бороться // ВЦИОМ. 30.11.2020. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/personalnye-dannye-v-internete-ugroza-utechki-i-kak-s-nei-borotsja.

можно больше прибыли[3]. Наконец, согласно опросу ФОМ за 2016 год, 78% россиян полагают, что государственные органы просматривают закрытую личную информацию и переписку в соцсетях и по электронной почте (27% думают, что это массовая практика, а 51% — что это делается в исключительных случаях). Вместе с тем, по мнению 58% граждан, у правительства не должно быть доступа к такой информации, поскольку это нарушает права человека и является вторжением в частную жизнь[4].

Любопытно, что результаты российских опросов общественного мнения имеют выраженное сходство с результатами аналогичных исследований в США — стране, где вопросы конфиденциальности уже давно находятся в центре общественно-политических дебатов. В частности, опрос Исследовательского центра Пью (Pew Research Center) 2019 года показывает, что большинство американцев обеспокоены тем, как их данные используются компаниями (79%) и государством (64%). Более 80% респондентов полагают, что они мало или вообще не контролируют данные, которые собирают о них правительство и корпорации. При этом 72% американцев убеждены: информация почти обо всем или о большей части того, что они делают в интернете или во время использования своего мобильного телефона, собирается коммерческими компаниями. А 47% респондентов считают, что бóльшая часть их онлайн-активности отслеживается государством. С точки зрения подавляющего большинства опрошенных (81%), потенциальные риски, с которыми они сталкиваются из-за сбора персональных данных корпорациями, перевешивают ожидаемые выгоды. 66% американцев придерживаются той же позиции в отношении сбора их личной информации государством[5].

Итак, ни в России, ни в США государственный и корпоративный надзор не встречает энтузиазма со стороны населения. Значительная доля граждан с недоверием относится к декларируемым целям сбора персональных данных (обеспечение безопасности, борьба с преступностью, улучшение сервисов и услуг, предоставляемых потребителям). Каковы причины этого недоверия и имеет ли оно под собой реальные основания?

Как видно из данных исследований общественного мнения, наблюдение со стороны коммерческих компаний вызывает отторжение, по меньшей мере, из-за двух обстоятельств:

[3] «Защити меня». Кибербезопасность, защита данных, конфиденциальность информации, доверие и регулирование Всестороннее исследование предпочтений российских потребителей, их опасений, а также способов завоевать их доверие и привлечь на сторону компаний // Pw C. 2018. URL: www.pwc.ru/protectme2018.

[4] Приватность в интернете. Должен ли быть у государства доступ к личной информации интернет-пользователей? // ФОМ. 29.01.2016. URL: https://fom.ru/SMI-i-internet/12496.

[5] Auxier B., Rainie L., Anderson M., Perrin A., Kumar M., Turner E. (2019) Americans and Privacy: Concerned, Confused and Feeling Lack of Control Over Their Personal Information. *Pew Research Center. Internet&Technology*. URL: https://www.pewresearch.org/internet/2019/11/15/americans-and-privacy-concerned-confused-and-feeling-lack-of-control-over-their-personal-information/.

1) граждане ощущают неспособность контролировать сбор информации о себе и, при необходимости, ограничивать доступ к тем сведениям, которыми они не хотят делиться;

2) у них создается впечатление, что их личная информация, получаемая компаниями, рассматривается последними как товар и продается третьим лицам.

Эмпирические исследования это подтверждают. Хотя компании часто указывают, что сбор персональных данных сопровождается уведомлением (всем известны всплывающие окна с оповещением об использовании файлов cookies) и «информированным согласием», аналитики подчеркивают: в действительности речь не идет о реальном выборе, доступном пользователю. Первая проблема заключается в том, что тексты о политике конфиденциальности часто трудны для понимания и фактически недоступны для тех, кто не обладает юридическим образованием. Кроме того, такие соглашения недостаточно детализированы, они просто не могут содержать в себе исчерпывающие сведения обо всех возможных видах использования персональных данных. Процессы сбора и передачи пользовательской информации крайне сложны. В них участвует множество действующих лиц — профилировщики, рекламные агентства, рекламные биржи, веб-сайты, где размещается целевая реклама, компании, которые приобретают на аукционах возможность представить пользователям таргетированные объявления. Весь процесс аналитики и торговли занимает доли секунды. Информационные потоки находятся в непрерывном движении, в систему постоянно заходят новые компании, заключаются очередные сделки. Описать этот процесс с достаточным количеством конкретных деталей о том, как именно собираются данные, с какой целью и кому они передаются, практически невозможно. Помимо этого, информация о пользователях хранится неопределенно долго и в будущем может быть использована для целей, которые нельзя предсказать заранее[6].

Вторая проблема состоит в самом качестве формально предоставляемого выбора. Соглашения о доступе к персональным данным устроены таким образом, что все иные варианты, кроме согласия, приводят к серьезным негативным последствиям для пользователя. Отказавшись, он может не только лишиться определенных выгод, товаров и услуг, но и оказаться исключенным из социального участия, практически неосуществимого без использования современных средств связи и информационных технологий[7]. Таким образом, выбор, предоставляемый гражданам, по сути, фиктивен, а контроль над личными данными действительно от них ускользает.

[6] Sloan R. H., Warner R. (2013) Beyond Notice and Choice: Privacy, Norms, and Consent. *Suffolk University Journal of High Technology Law, Forthcoming*. Chicago-Kent College of Law Research Paper No. 2013—16. https://www.doi.org/10.2139/ssrn.2239099.

[7] Helm P., Seubert S. (2020) Normative Paradoxes of Privacy: Literacy and Choice in Platform Societies. *Surveillance & Society*. Vol. 18. No. 2. P. 185—198. https://www.doi.org/10.13140/RG.2.2.19578.11202.

Помимо перечисленных есть и другие проблемы. Многие исследователи указывают на то, что погоня за накоплением все новых и новых данных, позволяющих делать все более и более точные прогнозы потребительского поведения, подталкивает интернет-корпорации к использованию поведенческих манипуляций[8]. Шошанна Зубофф, автор концепции надзорного капитализма, называет такие стратегии «инструментализмом», подчеркивая, что они нацелены на формирование человеческого поведения в интересах третьих сторон[9].

Наконец, накопление больших данных в руках узкого круга организаций, имеющих преимущественный доступ к пользовательской информации, ведет к монополизации знаний и власти, созданию ситуации, когда корпорации знают о пользователях больше них самих, оставаясь при этом непрозрачными для внешней аудитории[10].

Все перечисленное, очевидно, не может способствовать повышению доверия населения к коммерческим компаниям, собирающим персональные данные.

Что касается государственного надзора, то наиболее распространенной причиной негативного отношения к нему является вызываемое им нарушение прав на неприкосновенность частной жизни. Существование высокотехнологичных программ правительственного шпионажа, таких как американские MISTIC, CO-TRAVELLER и PRISM, ставшие известными благодаря разоблачениям Эдварда Сноудена, или российская СОРМ[11], свидетельствует о том, что представления о масштабной «правительственной слежке» не являются плодом воображения. Более того, как показывают международные исследования государственного надзора, его повсеместный стремительный рост, начавшийся после 11 сентября 2001 года, имел весьма плачевные последствия не только для стандартов конфиденциальности, но и для других прав и свобод. В частности, в некоторых случаях он сопровождался похищениями, бессрочными содержаниями под стражей, жестоким обращением и даже убийствами, санкционированными государствами. Причем некоторые правительства разработали правовые обоснования, направленные на признание подобных действий в качестве легитимных средств

[8] Degli Esposti S. (2014) When Big Data Meets Dataveillance: The Hidden Side of Analytics. *Surveillance & Society*. Vol. 12. No. 2. P. 209—225. https://www.doi.org/10.24908/ss.v12i2.5113; Palmås K. (2011) Predicting What You'll Do Tomorrow: Panspectric Surveillance and the Contemporary Corporation. *Surveillance & Society*. Vol. 8. No. 3. P. 338—354. https://doi.org/10.24908/ss.v8i3.4168.

[9] Zuboff S. (2019) The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: Public Affairs.

[10] Zuboff S. (2015) Big Other: Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization. *Journal of Information Technology*. Vol. 30. No. 1. P. 75—89. https://doi.org/10.1057/jit.2015.5; Palmås K. (2011) Predicting What You'll Do Tomorrow: Panspectric Surveillance and the Contemporary Corporation. *Surveillance & Society*. Vol. 8. No. 3. P. 338—354. https://doi.org/10.24908/ss.v8i3.4168.

[11] Система технических средств для обеспечения функций оперативно-разыскных мероприятий.

борьбы с терроризмом. Такая политика описана в научной литературе как «правдоподобная законность» и «легальная незаконность»[12].

Исследователи также обращают внимание на то, что наряду с угрозами конфиденциальности, порождаемыми неограниченным сбором информации о гражданах, существуют не менее серьезные проблемы усугубления социального неравенства. Так, Дидье Биго, анализируя государственный надзор, направленный на обеспечение безопасности, приходит к выводу, что он превосходит простую логику наблюдения за всеми. При помощи сбора информации, поступающей из области социального обеспечения, налоговой сферы, страхования, кредитных организаций, супермаркетов, других коммерческих компаний, и перекрещивания ее с файлами полиции осуществляется фильтрация тех, кого, по мнению силовых структур и правительств, следует поместить под «особый контроль». Эта стратегия нацелена на то, чтобы действовать до совершения преступлений, ожидаемых со стороны «опасных» групп, и ведет к распространению так называемого актуарного правосудия[13]. Дэвид Лион также обращает внимание на классифицирующую силу надзора, подчеркивая, что способы, которыми он осуществляется сегодня, приводят к новым видам исключения и росту социального неравенства[14].

Таким образом, избыточный и неконтролируемый правительственный надзор за гражданами весьма проблематичен, а вызываемое им беспокойство населения нельзя назвать безосновательным.

Стоит добавить, что в последние годы границы между государственным и корпоративным надзором все больше размываются. Активное взаимодействие правительств и корпораций приводит к созданию разветвленных частно-государственных сетей наблюдения, нередко имеющих трансграничный характер[15].

Стратегическое партнерство между бизнесом и государством в области надзора обусловлено взаимным стремлением к достижению тотального знания, которое позволило бы выйти на небывалый уровень эффективности в экономике и управлении. Эта мечта объясняет стремление ко все большему накоплению данных, которые (по крайней мере в настоящий момент) даже не могут быть полностью

[12] Sanders R. (2018) Plausible Legality: Legal Culture and Political Imperative in the Global War on Terror. New York, NY: Oxford University Press; Austin L. M. (2015) Lawful Illegality: What Snowden Has Taught us About the Legal Infrastructure of the Surveillance State. *SSRN Electronic Journal*. https://doi.org/10.2139/ssrn.2524653.

[13] Bigo D. (2009) Du panoptisme au Ban-optisme. Les micros logiques du contrôle dans la mondialisation. In: Chardel P.-A., Rockhill G. (eds.) Technologies de contrôle dans la mondialisation: enjeux politiques, éthiques et esthétiques. Paris: Editions Kimé. P. 59—80.

[14] Lyon D. (2009) Surveillance, Power, and Everyday Life. In: *The Oxford Handbook of Information and Communication Technologies*. Avgerou Ch., Mansell R., Quah D., Silverstone R. (eds.) New York: Oxford University Press. P. 449—472.

[15] Burke C. (2020) Digital Sousveillance: A Network Analysis of the US Surveillant Assemblage. *Surveillance & Society*. Vol. 18. No. 1. P. 74—89. https://doi.org/10.24908/ss.v18i1.12714; Baird T. (2016) Surveillance Design Communities in Europe: A Network Analysis. *Surveillance & Society*. Vol. 14. No. 1. P. 34—58. https://doi.org/10.24908/ss.v14i1.5622.

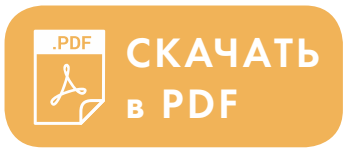
обработаны. Установлено, например, что так называемый закон Ирины Яровой в действительности практически не работает, поскольку существенно опережает технологическое развитие России[16]. Несравненно более мощная американская система сбора и обработки информации, включающая в себя огромное хранилище данных площадью до 140 м^2 и стоимостью около 1,5 млрд долларов, оснащенное аппаратным и программным обеспечением, оцениваемым еще в 2 млрд долларов, также пока не способна реализовать замысел американского правительства и силового блока о доминировании полного спектра, дающемго контроль над всеми реальными и потенциальными угрозами[17].

Соблазнительная греза о тотальном знании остается недостижимой и там, где она зародилась, — в коммерческом секторе. Впрочем, здесь стремление к ее осуществлению дает гораздо более ощутимые дивиденды по сравнению со сферой безопасности. Информация о действиях пользователей в сети давно и успешно монетизирована, она приносит огромные прибыли таким интернет-гигантам, как Google, Facebook и Microsoft. Точность прогнозов о потребительских стратегиях существенно повысилась, а «невидимая рука рынка» заметно скукожилась. По словам главного экономиста Google Хэла Вариана, опосредованность транзакций компьютером сделала возможным наблюдение за поведением, которое ранее было ненаблюдаемым, позволив создавать совершенно новые бизнес-модели с нулевым уровнем неопределенности. К примеру, страховые компании могут использовать системы мониторинга, чтобы выяснить, как клиент ведет себя за рулем, и решить, следует ли продолжать оказывать ему услуги или оплачивать его претензии. Однако, как справедливо замечает Ш. Зубофф, устранение неопределенности, которое энергично рекламирует Х. Вариан, одновременно ликвидирует необходимость, а значит, и возможность доверия между компаниями и клиентами. В результате контракты перестают быть социальными, превращаясь в рутинные машинные операции[18].

Как бы то ни было, правительства и корпорации еще далеки от воплощения своей мечты об идеальном управлении и экономике, лишенных неизвестности, непредсказуемости и рисков. Весьма вероятно, что она никогда не исполнится. И хотя неограниченный массовый государственный и коммерческий сбор данных о населении имеет некоторые позитивные результаты (например, более эффективное расследование преступлений или повышение качества услуг), кажется, участники опроса Исследовательского центра Пью правы: потери перевешивают приобретения.

[16] Ermoshina K., Musiani F. (2017) Migrating Servers, Elusive Users: Reconfigurations of the Russian Internet in the Post-Snowden Era. *Media and Communication*. Vol. 5. No. 1. P. 42—53.
[17] Munkholm J. L. (2020) The Pursuit of Full Spectrum Dominance: The Archives of the NSA. *Surveillance & Society*. Vol. 18. No. 2. P. 244—256. https://doi.org/10.24908/ss.v18i2.13266.
[18] Zuboff S. (2015) Big Other: Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization. *Journal of Information Technology*. Vol. 30. No. 1. P. 75—89. https://doi.org/10.1057/jit.2015.5

РАСШИРЕННАЯ ПОДБОРКА ДАННЫХ «ДОВЕРИЕ»



БОЛЬШЕ ДАННЫХ В ОТКРЫТЫХ БАЗАХ НА САЙТЕ ВЦИОМ

«Спутник» (с января 2017 г. по настоящее время)

«Архивариус» (с 1992 г. по настоящее время)

Нам важно ваше мнение о «СоциоДиггере», чтобы сделать следующие выпуски еще более отвечающими вашим интересам. Уделите, пожалуйста, 3 минуты, нажмите кнопку

ДАТЬ ОБРАТНУЮ СВЯЗЬ

wciom.ru

monitoringjournal.ru

MOM @ZhurnalMonitoring

@WCIOMofficial

@wciom

@wciom

@wciompage

@wciom

@wciom

Я.Дзен ВЦИОМ

Подкасты ВЦИОМ

ВЦИОМ

• Основан в 1987 году •